

Карль Каутскій.

Д. Сандерс.

Революційныя перспективы.

(На современныя темы).

СОДЕРЖАНИЕ:

- I). О задачах побѣдоноснаго пролетаріата.
  - II). Очаги революціи.
  - III). Политическая стачка.
    - 1). Вооруженное возстаніе
    - 2). Различныя типы стачекъ.
    - 3). Сила организаціи.
    - 4). Условія успѣха политической стачки
    - 5). Споры о политической стачки.
  - IV). С.—Д. и С.—Р. въ Россіи.
- 500

Цѣна 20 к.

КІЕВЪ.

Книгоиздательство „ПРАВДА“.

1906.

Оглавленіе.

	стр.
I). О задачахъ побѣдоноснаго пролетаріата	5.
II). Очаги революціи	21.
III). Политическая стачка	40.
1). Вооруженное возстаніе	40.
2). Различные типы стачекъ	42.
3). Сила организаціи	47.
4). Условія успѣха политической стачки	56.
5). Споры о политической стачкѣ	65.
IV). С.—Д. и С.—Р. въ Россіи	69.

I. О задачах побѣдоноснаго пролетаріата.

Критика, которой товарищ Люсня подвергаетъ мои брошюры о соціальной революціи, даетъ мнѣ желанный поводъ пополнить въ нѣкоторыхъ пунктахъ высказанное тамъ и опровергнуть нѣкоторыя неправильныя толкованія этихъ брошюръ.

Въ особенности въ толкованіяхъ второй части моей работы, — „На второй день послѣ революціи“ — мнѣ приписали совершенно чуждые мнѣ взгляды. Я не имѣю въ виду говорить здѣсь о критикѣ гр. Бюлова и другихъ буржуазныхъ элементовъ, которые жалуются на то, что не разстанутся съ моимъ „зеленымъ Бедкеромъ для путешествія въ страну Утопій“, и тѣмъ не менѣе не могутъ ориентироваться въ нашемъ „государствѣ будущаго“. Кто въ швейцарскихъ горахъ не чувствуетъ себя, какъ дома, тому не удастся достигнуть вершины, если онъ будетъ руководиться лишь одними указаніями своего Бедкера, а скорѣе сломить себѣ шею. Точно также никакой членъ буржуазныхъ классовъ не пойметъ нашихъ взглядовъ на будущее, если онъ не чувствуетъ себя, какъ дома. Нѣтъ такой нюрнбергской воронки, которая дала бы возможность журналистамъ, депутатамъ и имперскимъ канцлерамъ говорить со знаніемъ дѣла о социализмѣ, не изучая основныхъ произведеній послѣдняго, и я очень далекъ отъ мысли заняться устройствомъ для нихъ такого приспособленія.

Эти статьи имѣютъ единственной цѣлью отвѣтить лишь на нѣкоторыя критическія замѣчанія, которые были высказаны о моихъ брошюрахъ въ партійныхъ кругахъ. Многіе видѣли въ этихъ брошюрахъ утопію, изготовленную мною для грядущихъ поколѣній, модель, по которой должно быть построено будущее соці-

листическое государство. Въ дѣйствительности, у меня не было ни малѣйшаго стремленія дать директиву для тѣхъ временъ, когда во всѣхъ социальныхъ вопросахъ будутъ разбираться гораздо лучше, чѣмъ въ настоящее время разбирается самый проныцательный изслѣдователь: въ распоряженіи этихъ будущихъ поколѣній будетъ историческій опытъ всего періода отъ нашего времени до эпохи революціи. Цѣль, которую я себѣ ставилъ, когда писалъ эти брошюры, была чисто практическая—принять участіе въ тѣхъ спорахъ, которые въ послѣдніе годы ведутся въ нашихъ рядахъ.

Противоположность между ревизионизмомъ и послѣдовательнымъ или „ортодоксальнымъ“ марксизмомъ не состоитъ по моему мнѣнію въ противоположности между пессимизмомъ и оптимизмомъ или въ ожиданіи медленнаго или быстрого темпа развитія; она не состоитъ также въ противоположности между охватывающей далекіе горизонты теоріей и мелкой будничной работой: во всѣхъ этихъ противопоставленіяхъ можно найти частицу основной противоположности между обоими теченіями, но не это опредѣляетъ ихъ историческое значеніе.

Противоположность вытекаетъ изъ современной намъ исторической ситуаци. Она продуктъ прогресса социальдемократіи. Послѣдняя почти во всей Европѣ уже пережила ту первоначальную стадію революціонной партіи, когда приходится бороться единственно за то, чтобы ее терпѣли. Теперь она уже стала силой. И вотъ выдвигается важный вопросъ: должны-ли мы, превратившись въ могучую партію, оставаться тѣмъ-же, чѣмъ были до сихъ поръ, или же сила, которой мы теперь обладаемъ, ставить предъ нами новыя задачи, требуетъ отъ насъ новой тактики? До сихъ поръ мы говорили, что, только завоевавъ средства власти современнаго государства, мы можемъ освободить пролетаріатъ. Должны-ли мы и впредь руководиться этимъ основнымъ положеніемъ? Это значитъ, что мы должны практически вступить въ борьбу за обладаніе политической властью, потому что мы сдѣлались уже слишкомъ сильными, чтобы и впредь считать наше стремленіе къ этой власти чисто платоническимъ. Однако, если мы слишкомъ сильны, чтобы добиваться политической власти только теоретически, то мы еще не достаточно сильны, чтобы завладѣть ею фактически. Положеніе чрезвычайно трудное. Но нѣтъ-ли возможности выйти изъ положенія путемъ отказа отъ борьбы за политическую власть? Нельзя-ли обойтись безъ такой борьбы? Не придемъ-ли мы, наконецъ, скорѣе къ практическимъ резуль-

татамъ, если мы войдемъ въ существующій государственный организмъ одной изъ поддерживающихъ его партій и, такимъ образомъ, воспользуемся всѣми предоставляемыми этимъ выгодами вмѣсто того, чтобы до дня революціи ограничиваться сухимъ хлѣбомъ оппозиціи?

Таковъ ходъ мысли ревизионизма. Въ противоположность этому, я пытаюсь въ первой части моей брошюры показать, что пролетаріатъ не можетъ освободиться безъ завоеванія политической власти; что всѣ практическіе успѣхи, достигаемые пролетаріатомъ путемъ социальныхъ реформъ и организаціи, хотя и дѣлаютъ его болѣе способнымъ къ борьбѣ, но нисколько не смягчаютъ противоположности интересовъ пролетаріата и капиталистическаго класса; напротивъ, эта противоположность скорѣе все болѣе будетъ возрастать до тѣхъ поръ, пока въ рѣшительный моментъ у капиталистическаго класса не будетъ отнята политическая власть.

Во второй части доказывается, что тамъ, гдѣ пролетаріатъ завладѣлъ политической властью, осуществленіе социалистическаго производства есть естественная необходимость даже въ томъ случаѣ, если пролетаріатъ еще не развитъ до социалистическаго мышленія. Его классовые интересы и экономическая необходимость вынуждаютъ его принять мѣры, которыя ведутъ къ социалистическому производству.

Завоеваніе политической власти—альфа и омега обѣихъ брошюръ: не овладѣвъ правительственной властью, мы не приблизимся къ уничтоженію классовъ и классовыхъ противорѣчій; но разъ пролетаріатъ овладѣетъ политической властью, социализмъ осуществляется самъ собой.

Доказать это,—было задачей моихъ брошюръ. Если это удалось, то онѣ разрѣшили въ высшей степени важную для нашего времени задачу. Это замѣтили и ревизионисты, и поэтому ихъ критика оказалась довольно уклончивой, что съ ихъ точки зрѣнія вполне разумно. Впрочемъ, такого рода уклоненія чаще всего дѣлались совершенно инстинктивно и далеко не всегда являлись результатомъ яснаго пониманія.

Такъ, напримѣръ, сотрудникъ „Münchener Post“ въ своемъ хвалебномъ отзывѣ о брошюрѣ Штейнганса замѣчаетъ: „этотъ авторъ постоянно слѣдуетъ одному и тому-же методу: раскрывать противорѣчія (Каутскаго) при помощи фактовъ, причемъ въ надлежащихъ мѣстахъ у него нѣтъ недостатка въ здоровомъ юморѣ. Такъ, напримѣръ, онъ заставляетъ Каутскаго опровергать са-

мого себя, доказывая, что *реформистскія* предложенія, дѣлаемые Каутскимъ въ „На другой день послѣ революціи“, представляютъ ничто иное, какъ то, чего желаютъ вообще, и при томъ *уже для нашего времени*, столь ослабленные ревизионисты, — *преобразования*“. Со стороны ревизионистовъ, конечно, очень хорошо, что они цѣликомъ принимаютъ мои „реформистскія предложенія“: экспроприацию капиталистическаго класса, сокращеніе рабочаго дня до пяти часовъ при одновременномъ удвоеніи или даже утроеніи заработной платы и т. д. А ихъ несогласіе ждать до революціи и желаніе осуществить все это уже въ настоящую минуту совершенно ясно доказываетъ, что ревизионисты, въ сущности, гораздо радикальнѣе меня. Юмористическимъ же опроверженіемъ моихъ положеній моими собственными словами и раскрытіемъ моихъ противорѣчій путемъ неопровержимыхъ фактовъ, очевидно, должно служить то, что ревизионисты не только *желаютъ*, но вполне серьезно *вѣрятъ* въ осуществимость всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей еще *до революціи*, т. е. при *буржуазномъ правительствѣ*.

Серьезнѣе критика, которой подвергаетъ вторую часть моей брошюры Люся. Но и эта критика также исходитъ изъ ошибочнаго предположенія, что моя статья имѣетъ цѣлью развить революціонную программу социалдемократіи и выставить тѣ требованія, которыя социалдемократія намѣрена осуществить послѣ своей побѣды. Въ этомъ отношеніи онъ сравниваетъ выводы моей брошюры съ революціонной программой коммунистическаго манифеста. Но у меня не было ни малѣйшаго намѣренія даже дать набросокъ такой программы. Социалдемократія уже установила въ своей программѣ, чего она желаетъ. Путь, который она избреть для проведенія своей программы, какъ только она завоюетъ необходимую для этого власть, уже намѣченъ отчасти этой программой. Поскольку же этотъ путь зависитъ отъ еще непознанныхъ факторовъ, разсуждать объ ихъ значеніи было бы теперь совершенно безцѣльнымъ мудрствованіемъ.

Цѣль моихъ брошюръ, я уже говорилъ, совсѣмъ иная. Я хотѣлъ изслѣдовать, какіе результаты должны съ *необходимостью* получиться изъ политическаго господства пролетаріата, въ силу его классовыхъ интересовъ и потребностей производства, независимо отъ того, каковы основоположенія теории, которыхъ онъ будетъ придерживаться въ день своей побѣды. Я поэтому умышленно оставилъ въ сторонѣ именно вліяніе на пролетаріатъ социалистическихъ ученій. Въ началѣ моего изслѣдованія я вполне

опредѣленно ставлю вопросъ: что начнетъ дѣлать со своей властью побѣдоносный пролетаріатъ? Не что онъ *пожелаетъ дѣлать*, основываясь на той или иной теоріи и настроеніи, а что онъ *долженъ* будетъ дѣлать, побуждаемый своими классовыми интересами и экономической необходимостью“.

Повидимому, однако, я недостаточно выяснилъ этими словами мою задачу, такъ какъ всѣ мои критики изумлены, а нѣкоторые даже, какъ „Gaylord Wilshires“ въ своемъ еженесячникѣ („Wilshires magazine“ май 1903) разочарованы и возмущены тѣмъ, что я во главу экономическихъ требованій, которыя при всякихъ условіяхъ долженъ будетъ предпринять побѣдоносный пролетаріатъ, ставлю не обобществленіе средствъ производства, а широкую поддержку безработныхъ, и полагаю, что только это послѣднее повлечетъ за собой обобществленіе средствъ производства. Они, очевидно, просмотрѣли, что я и самъ говорю: „известно, что социалдемократія, какъ только она очутится у кормила правленія, прежде всего будетъ стремиться къ такого рода рѣшенію (обобществленію средствъ производства)“. Но моя задача заключалась не въ выясненіи того, что социалдемократія требуетъ: это я могъ принять, какъ уже известное. Я хотѣлъ показать, что побѣдоносный пролетаріатъ, даже не социалистически мыслящій, будетъ вынужденъ логикой фактовъ найти нужные для развитія социализма пути.

Если я въ числѣ такихъ формъ прежде всего указалъ на поддержку безработныхъ, то руководствовался при этомъ не чисто абстрактными соображеніями, а наблюденіемъ вполне конкретныхъ условий.

Чтобы найти конкретное основаніе для моего предположенія о побѣдоносномъ, но не социалистически—мыслящемъ, пролетаріатѣ, я долженъ былъ выйти изъ предѣловъ германскаго, романскаго и славянскаго пролетарскаго движенія.

Одно только англо-саксонское движеніе даетъ нѣкоторыя основанія для моихъ предположеній. Разумѣется, невѣроятно, чтобы не социалистически мыслящій пролетаріатъ овладѣлъ политической властью. Какъ могъ бы онъ добыть эту власть, не вступая въ конфликтъ съ буржуазными партиями, и какъ могъ бы онъ освободиться отъ буржуазнаго мышленія, не придя къ социалистическому?

Допустимъ, однако, что мы имѣемъ въ Англіи не социалистическую радикальную рабочую партію, по образцу австраійской; допустимъ, что эта партія на выборахъ въ парламентъ получила

большинство, вследствие чего буржуазные партии немедленно удаляются от власти и предоставляют ее победоносной рабочей партии. Словом, развитие идет так, что даже господа Барть и Наумань не могли бы ничего иметь против него. Что этот новый режим прежде всего сдѣлает и долженъ будетъ сдѣлать?

Навѣрное, окажетъ достаточную поддержку безработнымъ. Этого не станетъ отрицать никто изъ знающихъ англійскаго рабочаго. Последний чуждъ всякимъ теоріямъ, интересуется только ближайшимъ и для каждаго времени выставляетъ лишь одно какое нибудь требованіе. Исходя изъ этого, англійскіе социалисты два десятка лѣтъ трудились надъ привлеченіемъ рабочихъ къ социализму путемъ „практической политики“, выдвигая то или другое единичное практическое требованіе. Но ни такія политическія требованія, какъ требованіе всеобщаго избирательнаго права или упраздненія палаты лордовъ, ни такія экономическія, какъ переходъ въ руки государства желѣзныхъ дорогъ и горныхъ промысловъ, ни даже законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ — не въ состояніи были вывести изъ летаргіи англійскаго рабочаго. Только, однажды, между 1885 и 1890 г., удалось англійскимъ социалистамъ приобрести нѣсколько большее вліяніе на англійскій пролетаріатъ. И время, когда социалисты занимали руководящее мѣсто въ борьбѣ за государственную и муниципальную поддержку безработныхъ, — было временемъ крайней безработицы.

Замѣчательно, что и Гарольдъ Вальштейръ ждетъ, что въ Америкѣ рабочія массы обратятся къ социализму вследствие возрастанія безработицы, неизбежной въ силу начинающагося тамъ кризиса.

Безработица — самый страшный бичъ, который гонитъ даже совсѣмъ не отдающихъ себѣ отчета рабочихъ, если только ихъ энергія не притуплена окончательно, къ ожесточенной борьбѣ съ современнымъ режимомъ, потому что этотъ режимъ обнаруживаетъ свою полную неспособность и даже нежеланіе энергично дѣйствовать противъ безработицы. И если безработица сильнѣе всего поражаетъ неорганизованныхъ иплого о плачиваемыхъ рабочихъ, — то и другое взаимно обусловлено, — то она также грозитъ серьезными жертвами профессионально-организованнымъ рабочимъ и даже самимъ профессиональнымъ союзамъ.

Никакой профессиональный союзъ даже приблизительно не можетъ выдавать безработнымъ въ видъ пособія полной платы, никакой союзъ не можетъ дальше опредѣленнаго времени помогать безработнымъ; всякій союзъ вынужденъ, по мѣрѣ расширенія

безработицы, сильно повышать и взносы работающихъ. Требуя такихъ жертвъ отъ профессиональных союзовъ, растущая безработица грозитъ парализовать способность союзовъ сопротивляться предпринимателямъ.

Такимъ образомъ, борьба съ происходящей отъ безработицы нуждой становится тѣмъ моментомъ, когда даже „реально-политически“ мыслящій рабочий, кругозоръ котораго ограничивается ближайшими нуждами, освобождается отъ буржуазнаго мышленія и выходитъ за предѣлы буржуазнаго общества, не желающаго и неспособнаго найти серьезныя средства противъ этой нужды.

Поэтому то мы можемъ быть увѣрены, что побѣдоносный пролетаріатъ, хотя бы онъ и не былъ склоненъ къ социализму, навѣрное употребитъ всѣ средства, чтобы оказать достаточную поддержку безработнымъ.

Въ концѣ концовъ, и Люся приходитъ къ такому же выводу, когда говоритъ: „На другой день послѣ завоеванія политической власти, пролетарская партія должна немедленно и безусловно уничтожить нищету, обеспечивъ каждому желающему ротать, а также инвалидамъ — минимумъ средствъ существованія“.

Это вполне соответствуетъ моему взгляду. Когда Люся, полемизируя со мной, замѣчаетъ, что безработица не можетъ быть уничтожена, пока производство не будетъ организовано государствомъ, и что эта организація производства должна предшествовать уничтоженію безработицы, то я и съ этимъ вполне соглашаюсь. Да это и не можетъ служить возраженіемъ мнѣ, такъ какъ въ критикуемомъ мѣстѣ я говорю лишь о „достаточной *поддержкѣ*“ всѣмъ безработнымъ“, а не объ *уничтоженіи* безработицы. Это совершенно различныя вещи. Поддержка трудоспособныхъ, но безработныхъ рабочихъ имѣетъ смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока невозможно еще уничтожить безработицу.

Сама по себѣ широкая государственная поддержка безработныхъ, если даже она проводится побѣдоноснымъ пролетаріатомъ, еще очень невинная реформа и вполне совмѣстима съ буржуазнымъ обществомъ. Но буржуазныя партии очень хорошо знаютъ, почему онѣ не удовлетворяютъ этого требованія: оно заставитъ итти гораздо дальше. Разъ каждому безработному обеспеченъ минимумъ средствъ существованія, забастовки дѣлаются непреодолимыми, и рабочіе становятся дѣйствительными господами фабрики. Въ такомъ случаѣ право частной собственности на средства производства теряетъ всякій смыслъ. Отвѣтственность за предпріятіе и рискъ продолжаютъ падать на капиталиста, но

правомъ управления и эксплуатаціи онъ уже не пользуется. При такомъ положеніи обобществленіе средствъ производства становится необходимостью, которую капиталисты при вышеуказанныхъ условіяхъ чувствуютъ, пожалуй, еще сильнѣе, чѣмъ рабочіе. Продолженіе производства на капиталистическихъ началахъ дѣлается невозможнымъ.

Но и въ другомъ отношеніи поддержка безработныхъ составляетъ итти дальше. Разъ каждому рабочему гарантированъ минимумъ средствъ существованія, то заработная плата должна быть выше этого минимума, а рабочее время должно быть сокращено, если хотятъ вызвать въ рабочихъ то сильное стремленіе къ работѣ, которое необходимо для процесса производства.

Въ настоящее время уровень заработной платы, если и поднимается выше минимума средствъ существованія, то лишь незначительно; чаще онъ совпадаетъ съ этимъ минимумомъ и даже бываетъ ниже его. Чтобы при достаточной поддержкѣ безработныхъ былъ обезпеченъ дальнѣйшій ходъ производства, требуется не только обобществленіе средствъ производства, но и значительное повышение современной заработной платы при одновременномъ сокращеніи рабочаго дня. Но это возможно только при самомъ быстромъ упраздненіи нерациональныхъ мелкихъ предприятий и при концентраціи производства въ наиболѣе продуктивныхъ предприятияхъ тѣхъ отраслей промышленности, гдѣ крупное производство технически возможно. Если извѣстная степень развитія крупной промышленности необходимо предшествуетъ господству пролетаріата въ обществѣ, то это должно привести къ полному исчезновенію мелкихъ предприятий въ большинствѣ областей производства.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что естественно необходимымъ слѣдствіемъ политическаго господства пролетаріата являются основы социалистическаго производства даже и въ томъ случаѣ, если побѣдоносный пролетаріатъ и не дошелъ еще до яснаго социалистическаго сознанія. Разница только та, что онъ пришелъ бы окольными путями послѣ разнообразныхъ экспериментовъ, подъ натискомъ необходимости и даже, можетъ быть, нужды къ той цѣли, куда социалдемократія вполне сознательно стремится съ самаго начала.

Противъ необходимаго повышенія заработной платы, Люсня приводитъ, всетаки, рядъ соображеній.

Я считаю возможнымъ такое повышеніе заработной платы лишь при значительномъ подъемѣ производства. Самымъ быстрымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія этого подъема мнѣ представляется уничтоженіе множества нерациональныхъ предприятий, съ плохо оборудованными средствами производства, и концентрація рабочихъ въ предприятияхъ, наилучше оборудованныхъ и наиболѣе производительныхъ, гдѣ могли бы найти себѣ работу двойное или тройное противъ теперешняго число рабочихъ при соответствующемъ числѣ рабочихъ смѣнъ (безъ ночной работы и при значительномъ сокращеніи рабочаго дня).

На это Люсня возражаетъ: „Какъ возможно практически осуществить такую концентрацію, такое перемѣщеніе миллионныхъ рабочихъ въ небольшое число крупнѣйшихъ фабрикъ и заводовъ?“ Онъ ссылается на приведенный мною же примѣръ о сконцентрированіи теперешнихъ 200,000 предприятий текстильной промышленности въ 3000 колоссальныхъ предприятий и замѣчаетъ: „3000 такихъ колоссальныхъ фабрикъ были бы гораздо менѣе разбросаны, чѣмъ 200,000 предприятий этой отрасли промышленности въ настоящее время. Какая огромная и сложная проблема передвиженія и жилищъ! Въ одной только текстильной промышленности мы имѣемъ дѣло съ сотнями тысячъ рабочихъ!“

Нѣтъ сомнѣній, предъ нами здѣсь проблема. Но не станетъ же Люсня утверждать, что это неразрѣшимая проблема. Если подумать только, какія массы уже теперь капитализмъ изъ года въ годъ заставляетъ передвигаться, если подумать о странствующихъ рабочихъ, о приливѣ польскихъ рабочихъ въ угольные копи западной Германіи, объ эмиграціи и. т. п., тогда указанная Люсней проблема много потеряетъ во своей величинѣ и сложности.

Примемъ также въ соображеніе, что крупныя и мелкія предприятия одной и той же отрасли промышленности нерѣдко расположены такъ близко другъ отъ друга, что рабочіе могутъ тамъ переходить изъ мелкихъ предприятий въ крупныя, не совершая большого путешествія. Такъ, на примѣръ, въ Рейсѣ на пространствѣ 300 кв. километровъ, 44% всѣхъ рабочихъ текстильной промышленности (5371 изъ 12165) заняты въ 20-ти самыхъ большихъ предприятияхъ съ болѣе 200 человекъ въ каждомъ; 33% (4061) въ 39 предприятияхъ съ 50 до 200 человекъ въ каждомъ; 22, 5% (2733) въ 956 меньшихъ предприятияхъ. Вопросъ о транспортѣ и жилищахъ, нужныхъ, чтобы сконцентрировать въ большихъ предприятияхъ эти 56 процентовъ рабочихъ

труда, къ прежнимъ потребностямъ присоединяются новыя. Для опроверженія мысли, что удвоеніе или утроеніе заработной платы не осуществится изъ-за невозможности соотвѣтственнаго расширения потребленія, впрочемъ нѣтъ надобности ссылаться на образованіе новыхъ потребностей. Утроеніе средней заработной платы при неизмѣнно остающихся цѣнахъ продуктовъ - поставило бы средній уровень жизни пролетарія на высоту уровня жизни современнаго скромнаго буржуа, дало-бы пролетарію только возможность удовлетворить тѣ потребности, съ которыми онъ такъ или иначе уже познакомился; такая плата все таки не давала бы ему повода къ какимъ нибудь экстравагантнымъ желаніямъ.

Итакъ, съ какой стороны не разсматривать разсужденія Люсни, они оказываются неосновательными.

На другія возраженія по поводу того, что я считаю неизбѣжнымъ результатомъ пролетарскаго режима, мнѣ не приходилось наталкиваться.

II. Очаги революціи.

Возраженія противъ поддержки безработныхъ и быстрого расширения производства для Люсни только второстепенныя вещи. Самимъ худшимъ въ моей брошюрѣ ему кажется полифѣшное игнорированіе польскаго вопроса. Какъ можно разсуждать о революціи, не говоря о Польшѣ! Товарищъ-же Вальтейръ въ своей критикѣ съ упрекомъ замѣчаетъ, что я разсуждаю такъ, какъ будто-бы не существовало Соединенныхъ Штатовъ.

Оба упрека уничтожаютъ другъ друга. Изслѣдуя американскую революцію, я не могъ-бы притянуть сюда Польшу, а рѣшая польскій вопросъ, не могъ-бы имѣть въ виду Америки. Да, я съ самаго начала не намѣревался дѣлать ни того, ни другого, такъ какъ это не соотвѣтствовало бы цѣли моей брошюры.

Моя задача состояла въ томъ, чтобы изслѣдовать важныя для нашей современной дѣятельности проблемы будущаго и средства ихъ разрѣшенія, насколько такое изслѣдованіе доступно наукѣ. Если я не хотѣлъ изъ области науки попасть въ область утопіи, если я хотѣлъ избѣжать опасности на мѣсто необходимаго поставить желательное, то я долженъ былъ ограничиться самыми простыми тенденціями, общими для всѣхъ капиталистическихъ націй, и вытекающими изъ нихъ выводами. Только эти тенденціи и можно установить съ нѣкоторой точностью для значительнаго промежутка времени, опираясь на предоставляемые современной дѣйствительностью факты.

Если-же мы, напротивъ, перейдемъ къ конкретнымъ формамъ, какія принимаетъ развитіе отдѣльныхъ націй, то мы столкнемся съ такими сложными явленіями, что нельзя, хотя-бы съ нѣкоторой увѣренностью, даже для ближайшаго времени

предвидѣть результаты безчисленныхъ другъ на друга вліяющихъ факторовъ, которые надо принять во вниманіе.

Весной я могу съ полной увѣренностью сказать, что въ концѣ года снова наступитъ зима, но я могу только съ нѣкоторой вѣроятностью предсказать погоду слѣдующаго дня, да и то лишь въ томъ случаѣ, если я опытный и ученый метеорологъ, прекрасно знакомый съ послѣдними метеорологическими явленіями; но я совершенно не могу предсказать погоды слѣдующаго мѣсяца.

Нѣчто подобное наблюдается и въ политикѣ. Если я нахожу, что во всѣхъ капиталистическихъ странахъ классовыя противорѣчія обостряются, что пролетаріатъ не можетъ освободиться безъ завоеванія политической власти, что это завоеваніе, какими-бы намѣреніями и ожиданіями оно ни сопровождалось, съ естественной необходимостью ведетъ къ социалистическому производству,—то я этимъ не выхожу за предѣлы научнаго изслѣдованія. Конечно, этимъ еще не доказывается, что результатъ его будетъ вѣренъ: вѣрность выводовъ зависитъ отъ метода и данныхъ, при помощи которыхъ сдѣланъ выводъ. Но прити относительно этихъ вопросовъ къ научно-обоснованному результату все-же возможно.

Эта возможность ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ изслѣдованіе обращается къ индивидуальному развитію отдѣльныхъ націй. Каждая нація имѣетъ за собой особый путь, по которому она шла, стоитъ на не одинаковой высотѣ развитія, находится подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей и т. д. Если общій путь развитія всѣхъ націй одинъ и тотъ же, не можетъ не быть однимъ и тѣмъ же, то путь развитія, который предстоитъ каждой націи,—особый; предъ каждой націей открыты всѣ разнообразныя пути индивидуальнаго развитія. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что мы не должны заниматься и этими вопросами, что мы и въ этихъ вопросахъ не можемъ прити къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ.

Всякій политикъ, который не желаетъ плестись постоянно въ хвостъ событій, но хочетъ самъ на нихъ оказывать опредѣленное вліяніе, долженъ стараться уяснить себѣ вѣроятности и возможности, присущія особому пути развитія націи, въ средѣ которой онъ дѣйствуетъ. Вѣдь его дѣйствія только тогда будутъ имѣть успѣхъ, когда его стремленія будутъ проявляться въ томъ-же самомъ направленіи, въ какомъ идетъ и этотъ особый путь развитія; этотъ путь такъ же обусловленъ необходимостью, какъ и путь всеобщаго развитія, но необходимость его не такъ

легко познается. Нѣтъ ничего пагубнѣе того презрѣнія ко всякой дальновидности въ политикѣ, ко всякому предсказыванію, которымъ отличаются нынѣшніе фанатическіе приверженцы политики момента и политики исключительно малыхъ дѣлъ. Политикъ—практикъ, если онъ хочетъ достигнуть успѣха, долженъ такъ-же, какъ и теоретикъ-соціалистъ, стараться бросить взглядъ въ будущее; приметъ-ли такое предвидѣніе форму пророчества, это зависитъ отъ его темперамента. Но при этомъ онъ, конечно, всегда долженъ ожидать появленія новыхъ неожиданныхъ факторовъ, которые могутъ итти вразрѣзъ съ его расчетами и дать новое направленіе развитію; въ силу этого онъ долженъ быть готовъ соотвѣтственнымъ образомъ измѣнять свою тактику.

Изслѣдовать общій путь совершающагося социальнаго и политическаго развитія капиталистическаго общества и путь такого развитія въ отдѣльной странѣ—двѣ совершенно различныя задачи. Изслѣдованіе втораго рода возможно только при рѣшеніи первой задачи, въ противномъ случаѣ, если соединяють обѣ задачи вмѣстѣ и хотятъ ихъ одновременно изслѣдовать, можетъ получиться только путаница.

Вотъ причина, почему моя глава о „формахъ и оружій социальной революціи“, какъ выражается Люсьня, „есть нѣчто недоговоренное и производитъ впечатлѣніе половинчатости и робости мысли“. Онъ глубоко ошибается, полагая, что подмѣтилъ здѣсь „скрытое вліяніе той еще и нынѣ господствующей и непережитой стадіи пролетарскаго движенія, когда о революціи и о рѣшительной борьбѣ могутъ думать и думаютъ только неохотно и не безъ боязни“.

Изслѣдованіе возбужденныхъ Люсьней вопросовъ не входитъ въ рамки моей статьи, но у меня нѣтъ никакого основанія пройти мимо нихъ. Никакого ущерба не будетъ, если при случаѣ заняться и этими вопросами. Но тогда нужно помнить, что въ этомъ случаѣ дѣло будетъ итти уже не о тѣхъ тенденціяхъ развитія, которыя признаются *необходимыми*, а только лишь о тенденціяхъ *возможныхъ*, болѣе или менѣе *вѣроятныхъ*.

Люсьня, конечно, кажется, что польскій вопросъ неизбѣжно связанъ со всякой формой революціи и притомъ одинаково связанъ. Онъ стоитъ еще на старой точкѣ зрѣнія прежней демократіи, которой придерживались прежде Марксъ, Энгельсъ и Либкнехтъ. Тогда говорили, что на пути западно европейской революціи стоитъ реакціонная Россія, парализовать которую является необходимостью для каждой революціи. Лучшимъ спо-

собой для этого является восстановление самостоятельной Польши. Это восстановление Польши и европейская революция обуславливали друг друга, неразрывно связывались между собой, и каждый польский патриот, по мнению старой демократии, являлся борцом революционной армии Европы.

Само собой понятно, что такая точка зрения была законна до тех пор, пока не существовало революционной России и не было борющегося польского пролетариата. Появление последнего порядочно охладило увлечение большинства не proletарской Польши европейской революцией. Напротив того, усилившееся в России революционное движение дало возможность вступить в борьбу с абсолютизмом в его собственной стране и этим в высшей степени ослабило возможность подавления этим абсолютизмом западно европейской революции, подобно тому как это было в 1848 году. Абсолютизм с трудом обороняется теперь сам от натиска собственных возлюбленных подданных, опираясь на поддержку западно европейских капиталистов. Если в Западной Европе победоносная революция поставит на место капиталистов пролетариат, то не только исчезнет поддержка абсолютизма со стороны капиталистов, но, напротив, эту поддержку получат борцы против абсолютизма. Тогда для абсолютизма не будет спасения, он должен будет пасть, если только его раньше не постигнет эта участь. Какая же необходимость и после этого восстанавливать Польшу для спасения дела революции?

Потому-то польский вопрос имеет иное значение теперь, чем 30 лет назад. Понятия „социализм“, даже „демократия“ включают принцип народного суверенитета, самостоятельности и независимости каждого народа. Из этого само собой вытекает, что победоносная европейская революция даст толчок к восстановлению самостоятельной польской республики. Но для дела революции это не существенные решения других национальных вопросов, оставляемых буржуазным режимом в наследство пролетариату, как, например, восстановление чешского национального государства, в состав которого вошли бы и словаки, или объединение сербов в одно государственное целое, или объединение Триента с Италией.

Конечно, от этого не исчезают для германской социал-демократии причины стремиться к дружественным отношениям с польскими товарищами. Она не только должна уважать национальное чувство поляков, но и хорошо сдѣлает, если будет

до известной степени считаться с их национальной чувствительностью. Пролетариату небольших раздробленных национальностей, живущих под вечной угрозой поражения, свойственна часто выходящая за пределы здорового национального чувства особая национальная болезненная чувствительность, которая легко видит подавление там, где при полном равноправии есть только преобладание большинства над меньшинством. Это создает не всегда приятное положение, но пролетариат такой большой и мощной нации, как германская, уже из принципа *poblesse oblige* должен дѣлать иногда уступки, переходя границы теоретически-дозволенного, из внимания к национальной раздражительности своих более слабых, сильнее угнетенных соседей. Эти уступки, конечно, не должны заходить так далеко, чтобы это могло повредить единству организации и действия партии.

Однако исключительное положение, которое занимала Польша, как брестер революции против России, прекратилось, и вместе с этим пало всякое основание включать польский вопрос в общее исследование грядущей революции.

Но есть еще причина, вследствие которой польский вопрос не вошел в рамки моей брошюры. Доводы Люси исходят из того предположения, что ближайшая революция начнется в Германии, пожалуй даже в самом Берлине. Это, конечно, не невозможно, но это одна из множества возможностей и при том вовсе не наиболее вероятная. Цѣлый ряд государств стоит ныне гораздо ближе к революции, чем Германия, несмотря на быстроту экономического развития последней и роста в ней социал-демократии. Германское правительство теперь еще самое сильное в мире. К его услугам сильнейшая, хорошо дисциплинированная армия и бюрократия, и ему противостоят спокойное и миролюбивое население, чуждое революционных традиций. Конечно, и в Германии можно себя представить правительство, которое стало бы достаточно безумно хозяйничать, чтобы дезорганизовать армию и бюрократию, привести массу населения в отчаяние, и при этом втянуть империю в какую-нибудь авантюру, столь же бесполезную, сколько богатую жертвами и, может быть, даже позорную.

Конечно, подобная действия вызвали бы возмущение даже в немецком народе. Можно и теперь уже найти некоторые признаки этого, в дальнейших же глупостях не будет недостатка,

благодаря увеличивающейся жадности и банкротству юнкеров, страху предъ растущей социалдемократіей, обостренію классовыхъ противорѣчій между капиталомъ и трудомъ и также благодаря росту имперіализма у всѣхъ націй и увеличивающейся вмѣстѣ съ тѣмъ опасности военнаго конфликта. Но должно ужъ очень много накопиться, чтобы инициатива ближайшей революціи исходила отъ нѣмецкой націи.

Гораздо ближе Германіи стоитъ къ революціи ея восточная сосѣдка. Люся предостерегаетъ насъ противъ переоцѣнки революціонной силы русскаго пролетаріата. Но нужно также остерегаться и недооцѣнки ея. Это, однако, для Люси очень трудно, потому что его точка зрѣнія въ польскомъ вопросѣ опирается, главнымъ образомъ, на предположеніи о непоколебимости и мощи абсолютизма; а безъ этой опоры его точка зрѣнія падаетъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что экономическое развитіе Россіи далеко отстаетъ отъ Германіи или Англіи, и ея пролетаріатъ гораздо слабѣе и менѣе зрѣлъ, чѣмъ германскій или англійскій. Но все относительно, въ томъ числѣ и революціонная сила какого нибудь класса. Больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, русскій пролетаріатъ выступаетъ теперь, какъ борецъ за жизненныя потребности всей націи, такъ что въ своей борьбѣ противъ правительства онъ едва ли встрѣтитъ противниковъ въ какомъ нибудь другомъ классѣ. Съ другой стороны, нѣтъ въ Европѣ правительства, исключая развѣ Турцію, болѣе слабого, чѣмъ русское, потому что оно не имѣетъ въ государствѣ иной опоры, кромѣ насквозь прогнившей бюрократіи и арміи, уже хранящей въ себѣ зародыши дезорганизации и недовольства. Нѣтъ такого правительства, существованіе котораго стояло бы въ болѣе непримиримомъ противорѣчій съ существованіемъ націи, и моральное и экономическое банкротство котораго не обнаруживалось бы все съ болѣею наглядностью. До восьмидесятыхъ годовъ русскій абсолютизмъ находилъ свою опору въ полномъ силѣ крестьянствѣ. Эта опора уже пала; крестьянинъ гибнетъ, голодаетъ или бунтуетъ. Грозящему банкротству абсолютизма пришелъ на помощь западно-европейскій капиталъ, служившій для того, чтобы взростить обильную, тепличную, крупную промышленность. Теперь этотъ замыселъ потерпѣлъ крахъ, и вмѣсто богатыхъ доходовъ промышленность даетъ абсолютизму революціонный пролетаріатъ, съ беззавѣтной храбростію бросающійся въ борьбу, такъ какъ онъ находится еще въ той стадіи, когда ему нечего терять, кромѣ цѣпей, а завоевать онъ можетъ цѣлый міръ.

Борьба кончится для абсолютизма тѣмъ быстрой и неблагоприятной, чѣмъ рѣшительнѣе Западная Европа откажется ему въ своей помощи. Стараться дискредитировать русскій абсолютизмъ, насколько возможно—самая насущная задача интернаціональной социалдемократіи. И она поняла это. Какимъ путемъ стремится она этого достигнуть въ той или иной странѣ—зависитъ отъ мѣстныхъ своеобразныхъ условий. Одни старались это сдѣлать на массовыхъ собраніяхъ, какъ это было въ Вѣнѣ; другіе, какъ напр. итальянцы, распространили агитацію по всей странѣ; третьи, подобно Бебелю, перенесли борьбу въ рейхстагъ: во всѣхъ этихъ случаяхъ товарищи дѣйствовали сообразно обстоятельствамъ; исключеніе составили одни только французскіе социалисты изъ компаніи Мильерана.

Несмотря на драгоцѣнную дружбу западной Европы замѣтно растутъ силы, стѣсняющія абсолютизмъ. Война съ Японіей можетъ замѣтно ускорить побѣду русскіи революціи, если русская армія не одержитъ быстрой и рѣшительной побѣды. Но даже при окончательной побѣдѣ Россіи абсолютизмъ будетъ тяжело пораженъ, такъ какъ онъ долженъ будетъ исчерпать всѣ свои силы, если эта война затянется на такое продолжительное время, какъ бурская *).

То, что произошло послѣ русско-турецкой войны, повторится теперь въ еще большемъ масштабѣ: могучій взрывъ революціоннаго движенія. Помимо того, что правительство теперь слабѣе, а революціонные элементы сильнѣе, чѣмъ тогда, война противъ Турціи за освобожденіе славянскихъ братьевъ была популярна, она была борьбой противъ варварства за свободу,—по крайней мѣрѣ такова была иллюзія сражавшихся—и служила прежде всего для того, чтобы поднять престижъ правительства внутри страны. Насколько отличается отъ этой войны война съ Японіей, война противъ болѣе свободной и болѣе развитой страны, въ разгромъ которой совсѣмъ не заинтересованъ русскій народъ! Интересно сравнить возбудженіе, господствовавшее въ Россіи съ 1875 года, когда разразилось возстаніе Востни и Герцогинови, до объявленія войны въ 1877 году, съ тѣмъ равнодушіемъ, съ какимъ, въ противоположность Японіи, относились въ Россіи къ угрожающему положенію дѣлъ въ теченіе послѣднихъ недѣль до начала военныхъ дѣйствій.

*) Статья эта написана Каутскимъ въ началѣ 1904 г. *Пр. пер.*

Революція въ Россіи не могла бы немедленно установить социалистическаго режима. Для этого экономическія условія страны еще далеко не зрѣлы. Но вызвать къ жизни демократическій режимъ съ находящимся за его спиной отважнымъ, сильнымъ и стремящимся впередъ пролетариатомъ, способнымъ добиться значительныхъ уступокъ—это она вполне въ состояніи сдѣлать.

Подобный режимъ Россіи долженъ оказать могущественное вліяніе на сосѣднія страны: во первыхъ оживленіемъ въ этихъ странахъ пролетарскаго движенія, которое получить сильнѣйшій толчекъ къ нападенію на всѣ политическія препятствія—въ Пруссіи раньше всего на трехклассную систему выборовъ—стоящая на пути демократическаго режима; во вторыхъ, благодаря разрѣшенію разнообразныхъ національныхъ вопросовъ западной Европы.

Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что русская революція должна возродить панславизмъ въ новой формѣ. Въ томъ видѣ, который онъ имѣлъ до сихъ поръ, онъ упалъ очень низко. Панславизмъ былъ революціоннымъ средствомъ для реакціонныхъ цѣлей: вызвать возстаніе среди славянскихъ народностей Австріи и Турціи, такъ какъ эти народности полагали, что подъ руководствомъ Россіи онѣ получатъ національную независимость; но Россія хотѣла лишь распространить и на эти народности власть своего деспотизма. Но прошли уже тѣ времена, когда правительства могли безнаказанно заигрывать съ революціей, освободительницей народовъ; тѣ времена, когда Наполеонъ конспирировалъ съ Кошутомъ (1859), Бисмаркъ организовывалъ венгерскій легіонъ противъ дома Габсбурговъ и шелъ навстрѣчу націоналистическимъ стремленіямъ чеховъ (1866)*, когда Ригеръ совершалъ паломничество въ Москву въ качествѣ агента панславизма (1868) и

*) Какъ мало удовлетворены были славяне правительствомъ Бельгреды въ Австріи (1866), показывается, съ какимъ торжествомъ они привѣтствовали пражскую прокламацію прусскаго генерала Розенберга—Грушинскаго, изданную, какъ говорятъ, директоромъ полиціи Штиберомъ „къ населенію славнаго королевства Богемскаго“, потому что эта прокламація давала надежду на удовлетвореніе ихъ національныхъ желаній. Несчастье оружія Кениггреца—высшій пунктъ тѣхъ испытаний, которымъ подверглась Австрія, то время, когда чешскія газеты полъ защитой развивавшагося въ Грачинѣ черно-бѣлаго знамени, забрасывали грязью австрійскихъ нѣмцевъ и говорили въ лицо генералу Бельгреды, что Бисмаркъ обѣщаетъ имъ то, чего онъ теперь изъ боязни передъ центральной кликой не рѣшается дать.

(W Rogge „Oesterreich von vilago bis zur Gegenwart“. II. 335.

когда генераль Игнатьевъ, русскій посолъ въ Константинополѣ, могъ готовить переворотъ въ турецкой имперіи по всѣмъ правиламъ тайныхъ заговоровъ (1864—1877).

Съ тѣхъ поръ правительства всюду стали нѣсколько осторожнѣе и боязливѣе. Развѣ гдѣ нибудь въ южной Африкѣ или центральной Америкѣ то или иное правительство капиталистической страны отваживается примѣнять революціонные методы въ своихъ цѣляхъ. Русское правительство не представляетъ исключенія изъ этого. Возставшіе македонцы жестоко ошиблись, когда въ 1903 году полагали, что Россія такъ же поспѣшитъ къ нимъ на помощь, какъ поспѣшила три десятка лѣтъ тому назадъ къ боснійцамъ и болгарамъ.

Съ другой стороны, обстоятельства въ самой Россіи стали настолько критическими, что, по крайней мѣрѣ среди австрійскихъ славянъ, совершенно угасла та жажда объединенія съ русскими областями, которая была очень сильна въ эпоху реформъ Александра II. Поэтому и тутъ и тамъ корни панславизма подгнили.

Демократическая Россія должна будетъ снова дать ярко разгорѣться стремленію австрійскихъ и турецкихъ славянъ къ національной независимости въ надеждѣ ихъ на помощь великаго русскаго народа. Тогда и польскій вопросъ снова обострится, но не въ томъ смыслѣ, какъ думаетъ Люсня; его шипы будутъ направлены не противъ Россіи, а противъ Австріи и Германіи и, поскольку она будетъ служить дѣлу революціи, Польшѣ придется защищать революцію не отъ Россіи, а изъ Россіи нести ее въ Австрію и Германію.

Тогда Австрія распадется, потому что съ паденіемъ абсолютизма спадетъ тотъ желѣзный обручъ, который пока еще стягиваетъ въ одно всѣ ея врозь стремящіеся элементы. Если дѣло пойдетъ такъ далеко, Германская имперія должна будетъ включить въ свой составъ населенныя нѣмцами области Габсбургской, монархіи, поскольку эти области составляютъ совокупное цѣлое.

Но вслѣдствіе этого совершенно измѣнится характеръ имперіи. Теперь на 35 милліоновъ пруссаковъ приходится всего 22 милліона не пруссаковъ. Присоединеніе австрійскихъ нѣмцевъ почти уравниваетъ силы пруссаковъ и не пруссаковъ, особенно, если изъ числа первыхъ будетъ отнято 3 милліона прусскихъ поля-

ковъ. Такого рода условія вызовутъ опасность усиленной оппозиціи юга противъ сѣвера, усиленіе партикуляризма, ослабленіе единства Имперіи, если имперія будетъ до того времени существовать, какъ союзъ самостоятельныхъ государствъ: тогда окажется настоятельно необходимымъ наверстать то, что было упущено въ 1870 г.: союзъ государствъ превратить въ единое государство. Это очень облегчитъ рѣшеніе польскаго вопроса, такъ какъ удерживаніе прусскихъ поляковъ въ теперешнемъ государственномъ союзѣ лежитъ въ интересахъ обособленнаго прусскаго государства, а не нѣмецкаго народа.

Такимъ образомъ, русская революція должна будетъ не только дать сильный толчекъ пролетарскому движенію остальной Европы, но и снова поставить на очередь вопросы національнаго объединенія и привести къ окончательному рѣшенію ихъ не только въ Австріи и балканскихъ странахъ, но и въ самой Германіи. Соціалдемократія должна будетъ тогда выступить борцомъ не только за новый общественный строй, но и за новый территориальный и національный строй; она должна будетъ выступать борцомъ не только за пролетарскіе классовые интересы, но также за интересы общіе, національные, потому что другіе классы, ставшіе консервативными и трусливыми, будутъ относиться къ этимъ интересамъ пассивно или прямо враждебно.

Не окажется-ли возможнымъ, наконецъ, въ результатѣ этой борьбы пролетариату занять господствующее положеніе въ Германской имперіи? Такой исходъ долженъ будетъ оказать вліяніе на всю Европу, долженъ будетъ повлечь за собой политическое господство пролетариата въ западной Европѣ и создать восточно-европейскому пролетариату возможность сократить стадіи своего развитія и, подражая нѣмецкому примѣру, искусственно создать социалистическія учрежденія. Общество въ цѣломъ не можетъ искусственно перескочить черезъ отдѣльныя стадіи развитія, но это возможно для его отдѣльныхъ составныхъ частей, которыя могутъ ускорить свое отсталое развитіе подражаніемъ передовымъ странамъ и, благодаря этому, даже стать во главѣ развитія, потому что онѣ не обременены балластомъ традицій, который тащатъ съ собой старыя націи. Блестящимъ примѣромъ этого служить Америка, перешагнувшая черезъ стадіи феодализма и абсолютизма и, благодаря этому, избавившаяся отъ истребительной борьбы съ ними и также отъ балласта ихъ развалинъ.

Это *можетъ* случиться. Но, какъ уже сказано, мы здѣсь уже оставили область поддающейся изученію *необходимости*; здѣсь мы находимся уже въ области *возможнаго*. Поэтому все можетъ произойти и иначе.

Послѣ Россіи въ настоящій моментъ близка къ революціи Бельгія. Промышленный пролетаріатъ Бельгіи очень сильно развитъ, а консервативное крестьянство весьма слабо. Изъ каждыхъ 1000 трудящихся (въ главныхъ и второстепенныхъ областяхъ труда) было занято:

	Бельгія 1890 г.	Германія 1895 г.
Въ промышленности	368	319
Въ торговлѣ	111	114
Въ самостоятельномъ сельскомъ хозяйствѣ 145)	221	429
Въ качеств. батр. 76)		

Числа еще болѣе будутъ благоприятствовать промышленному населенію, если мы примемъ во вниманіе только занятыхъ въ главныхъ отрасляхъ труда, такъ какъ не мало промышленныхъ рабочихъ одновременно занимаются отчасти и сельскимъ хозяйствомъ.

Въ Германіи въ 1895 г. въ главныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства было занято 362 человека на тысячу (въ Саксоніи только 167, въ Баваріи 464); напротивъ, занятыхъ въ промышленности было на тысячу 361 (въ Саксоніи 550, въ Баваріи 280). Къ сожалѣнію, въ бельгійской статистикѣ за 1890 годъ нѣтъ данныхъ о занятыхъ въ главныхъ отрасляхъ труда, поэтому здѣсь нельзя установить такого различія, какъ въ Германіи. Во всякомъ случаѣ, можно предположить, что, если въ Германіи промышленное и сельское населеніе взаимно уравновѣшиваются, то въ Бельгіи первое, по меньшей мѣрѣ, вдвое многочисленнѣе, чѣмъ второе; отношеніе тамъ почти такое-же, какъ и въ Саксоніи.

Среди промышленнаго населенія въ Бельгіи пролетаріатъ также болѣе преобладаетъ, чѣмъ въ Германіи.

На каждую тысячу занятых в промышленности приходится:

	Въ Бельгіи 1890 г.	Германіи 1895 г.
самостоятельныхъ хозяевъ	183	249
служащихъ	15	32
наемныхъ рабочихъ	802	719

Къ этому социальному разслоению присоединяются еще и политическія условія, благоприятствующія революціи. Правительство, благодаря избирательному праву, выгодному господствующимъ классамъ, въ высшей степени реакціонно, при чемъ обостряются противорѣчія не только между нимъ и пролетаріатомъ, но между нимъ и интересами всей націи. Широкіе круги населенія презираютъ и ненавидятъ короля; армія, благодаря системѣ замѣстительства и вербовкѣ, рекрутируется, главнымъ образомъ, изъ среды неимущихъ классовъ; она недовольна и склонна къ возмущенію. Достаточно, чтобы затруднительное положеніе правительства совпало съ моментомъ взрыва народнаго гнѣва, и Леопольдъ или его наслѣдникъ увидятъ область своего господства ограниченной предѣлами Конго*).

Конечно, пролетарская революція въ предѣлахъ одной Бельгіи не можетъ долго продержаться. Одни экономическія условія сами по себѣ не дадутъ возможности этой маленькой странѣ съ ея семью миллионами населенія, окруженной капиталистическими странами, основать прочный социалистическій режимъ. Еще значительнѣе опасности политическаго характера. Управляемая пролетаріатомъ республиканская Бельгія будетъ постояннымъ очагомъ революціи, постояннымъ примѣромъ для пролетаріата другихъ странъ Европы, источникомъ броженія для низшихъ слоевъ населенія за предѣлами Бельгіи. Правительства Германіи и Франціи должны будутъ поспѣшить потушить пожаръ, чтобы опасныя искры не залетали въ сосѣднія легко воспламеняющіяся области, управляемые промышленными и аграрными

* Конго—бельгійская территория въ Африкѣ, фактически принадлежащая крупнѣйшимъ капиталистамъ и въ томъ числѣ крупнѣйшему изъ нихъ бельгійскому королю; область неслыханной даже для европейскихъ колоній эксплуатаціи негровъ и звѣрскаго произвола. Неправно Парламентская комиссія раскрыла рядъ ужасовъ въ управленіи Конго, передъ которыми блѣднѣетъ все извѣстное изъ исторіи Европейскихъ колоній. Пр. ред.

сторонниками исключительныхъ законовъ. Но какъ разъ при тушеніи пожара, послѣдній можетъ особенно широко распространиться.

Защищающій свою свободу народъ не такъ легко поработить. Примѣръ этого показали обѣ южно-африканскія республики, гдѣ какихъ-нибудь 400.000 бѣлыхъ, изъ которыхъ вооруженныхъ было всего 40.000, оказывали такое долгое и побѣдоносное сопротивление англійской мировой имперіи. Полутораста тысячная бельгійская армія увеличится притокомъ пламенныхъ добровольцевъ; рабочая пресса, конечно, не будетъ при этомъ предостерегать: „держитесь подалѣе!“ Каждый день сопротивленія долженъ усиливать броженіе въ лагерѣ враговъ и увеличивать въ немъ возмущеніе.

Но во всякомъ случаѣ, благодаря колоссальному превосходству силъ сосѣднихъ государствъ, можетъ быть и не трудно было бы задушить республику, еслибы этому не мѣшала одна факторъ: вражда между Франціей и Германіей, которая въ этомъ случаѣ впервые можетъ послужить дѣлу свободы. Можетъ ли быть, чтобы Франція спокойно смотрѣла, какъ Германія поражаетъ и оккупируетъ Бельгію, или чтобы французская армія взяла на себя функціи прусскихъ жандармовъ и плечомъ къ плечу съ германской арміей пошла усмирять Бельгію? Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ французскому правительству грозила бы опасность народнаго взрыва, при которомъ и самое высокое и самое низкое, національная ненависть и интернаціональная солидарность, мелкобуржуазная озлобленность и пролетарскій революціонный натискъ объединятся, чтобы съ воодушевленіемъ, присущимъ французамъ, низвергнуть правительство, измѣнившее народу; и это тѣмъ легче можетъ случиться, что французская армія врядъ ли будетъ съ энтузіазмомъ защищать такое правительство. Чтобы раздавить Бельгію, Германія должна будетъ объявить войну Франціи. Но это не будетъ войной 1870 г.; эту войну не будетъ вдохновлять идеалъ объединенія, который десятки лѣтъ такъ лелѣла нѣмецкая нація; это не война съ грубымъ узурпаторомъ, которая нѣсколькими быстрыми ударами могла увлечь шумомъ побѣды народныя массы. Это будетъ войной, въ которой, за исключеніемъ незначительныхъ группъ эксплуататоровъ, никто не заинтересованъ, и которая встрѣтитъ рѣшительный отпоръ въ единственно великомъ классѣ націи, еще лелѣющемъ идеалъ. Такая война имѣла бы цѣлью истребленіе мирнаго народа, который ни

чего не желалъ бы кромѣ того, чтобы его оставили въ покоѣ. Такая война, если бы и вела къ побѣдѣ, то лишь путемъ, полнымъ превратностей и жертвъ, потому что враждебныя арміи настоящаго времени совсѣмъ иначе вооружены, чѣмъ въ 1870 г., и полны совсѣмъ иного воодушевленія, чѣмъ наполеоновскіе преторіанцы.

Такая война могла бы стать началомъ конца.

И здѣсь также могъ бы сыграть роль польскій вопросъ, но совсѣмъ не ту, которой ожидаетъ Люсня. Революціонный режимъ во Франціи и Бельгіи долженъ былъ бы заботиться о своемъ собственномъ спасеніи и матеріально поддерживать всѣ революціонныя стремленія заграницей и этимъ раздробить силы своихъ противниковъ и усилить возмущеніе народныхъ массъ. Можетъ быть, революціонный режимъ попытается перенести революцію въ Голландію и Италію и возбудить броженіе въ Россіи и Австріи. И это, между прочимъ, будетъ способствовать оживленію среди сторонниковъ Польши. Революціонный режимъ послужитъ средствомъ ослабленія реакціи не только россійской, но и бурской.

Мы теперь уже зашли такъ далеко, что, изслѣдуя возможность революціи, не можемъ ограничиться предѣлами одной Европы. Когда товарищъ Вайльшейръ въ своей критикѣ моихъ статей замѣчаетъ, что Соединенные Штаты ближе къ революціи, чѣмъ Европа, то вполне возможно, что онъ правъ. Конечно, я не могу согласиться съ его мнѣніемъ, что капиталъ тамъ уже настолько централизованъ, что не одинъ рабочій классъ, но всѣ остальные вскорѣ увидятъ въ социализмъ своего избавителя и будутъ привѣтствовать его.

Ни одинъ классъ, можетъ быть, не нуждается такъ въ социализмѣ, какъ классъ мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ. Его положеніе въ капиталистическомъ обществѣ гораздо хуже положенія обученныхъ наемныхъ рабочихъ. Современное общество предоставляетъ ему лишь одинъ исходъ, и этотъ исходъ ведетъ къ люмпен-пролетариату. И все таки мелкіе ремесленники и мелкіе торговцы оказываютъ энергичное сопротивленіе социалдемократіи, которая имѣетъ въ этихъ мелкобуржуазныхъ слояхъ самыхъ ярыхъ противниковъ, какъ это доказываетъ исторія антисемитизма. Социализмъ ихъ спасетъ, но онъ для нихъ *terra incognita*. Современные классовые интересы этихъ слоевъ заставля-

ютъ ихъ искать спасенія въ усиленной эксплуатаціи бѣднѣйшихъ изъ бѣдныхъ, и поэтому они выступаютъ противниками каждаго закона по охранѣ труда, организаціи рабочихъ въ профессиональные и потребительные союзы и притомъ гораздо болѣе яркими противниками, чѣмъ классъ крупныхъ капиталистовъ.

Въ Америкѣ положеніе мелкихъ капиталистовъ должно, конечно, быть такимъ же. Крупныя монопольныя предприятия подавляютъ ихъ, и они протестуютъ противъ нихъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, подобно протестамъ нашихъ антисемитовъ противъ капитала, но на дѣлѣ мелкіе капиталисты ищутъ спасенія не въ уничтоженіи монополій, а въ усиленной эксплуатаціи рабочихъ. Не отъ перехода крупныхъ капиталистовъ на сторону социализма я ожидаю побѣды въ Америкѣ—этотъ сонъ Беллами могъ бы уже разсѣяться—а отъ возрастающаго обостренія противорѣчій между капиталомъ и трудомъ не только въ области трестовъ, но въ предѣлахъ дѣятельности всего класса капиталистовъ. Такъ, націонализація трестовъ въ интересахъ всей націи, но только пролетаріатъ способенъ осуществить ее, борьба за нее другихъ классовъ будетъ лишь призрачной.

Гигантскіе размѣры трестовъ, кризисы, безработица—всѣ эти факторы, которые въ Америкѣ приняли болѣе размѣры, чѣмъ въ Европѣ, могутъ способствовать тому, что заатлантической пролетаріатъ завладѣетъ политической властью раньше, чѣмъ нѣмецкій; можетъ быть, безъ ясной социалистической программы, можетъ быть слѣдуя англійскимъ традиціямъ, онъ справится вначалѣ лишь съ нѣкоторыми проявленіями капитализма: безработицей или трестами. Но и въ такомъ случаѣ пролетарскій режимъ повлечетъ за собой социалистическій способъ производства.

Но если бы американскому рабочему, насквозь проникнутому „практичностью“, удалось усвоить теорію социализма такъ, чтобы пролетарскій режимъ съ самаго начала принялъ социаль-демократическій характеръ, то и въ этомъ случаѣ американская революція имѣла бы совсѣмъ иную физіономію, чѣмъ европейская.

Не только политическая власть въ Америкѣ отличается отъ нашей, но и социальное раздѣленіе общества. Мы слишкомъ далеко зашли бы, желая подробно изслѣдовать это, да и своеобразныя американскія условія лучше можетъ обрисовать американское перо.

Но какія бы формы не приняла тамъ социальная революція, она не останется безъ вліянія на Европу. Она должна будетъ значительно усилить стремленіе и натискъ европейскаго пролетаріата къ завоеванію политической власти. Это или поведетъ къ побѣдѣ рабочаго класса и въ Европѣ, или, — если этотъ классъ потерпитъ поражение — повлечетъ за собой массовую эмиграцію и опустѣніе старыхъ капиталистическихъ странъ.

И на эту возможность слѣдуетъ обратить вниманіе. Міръ не такъ цѣлесообразно устроенъ, чтобы революція побѣдила тамъ, гдѣ это въ интересахъ общества. Когда мы говоримъ о необходимости побѣды пролетаріата и обусловливаемъ ею социализмъ, мы при этомъ не думаемъ, что эта побѣда неизбежна, или, какъ это еще иначе полагаютъ нѣкоторые наши критики, — что она фатально придетъ даже въ томъ случаѣ, если пролетаріатъ спокойно скреститъ свои руки. Необходимость слѣдуетъ здѣсь понимать въ смыслѣ единственной возможности дальнѣйшаго развитія. Гдѣ пролетаріату не удастся восторжествовать надъ своими противниками, тамъ общество теряетъ возможность развиваться и должно прити въ состояніе неподвижности и разложенія.

Въ исторіи не мало примѣровъ разрушенія государствъ отъ того, что для нихъ была необходима революція, но они не создали класса, способнаго осуществить ее. Сама Европа даетъ намъ такой примѣръ въ лицѣ Турціи. Судьба послѣдней постигнетъ всю Европу, если пролетаріатъ въ своемъ стремленіи къ политической свободѣ потерпитъ поражение. И если одновременно съ этимъ пролетаріатъ побѣдитъ въ Америкѣ, тогда все, что есть энергичнаго и интеллигентнаго среди пролетаріата и среди работниковъ интеллигенціи, направится черезъ океанъ къ новой свободѣ, и Европа станетъ къ Америкѣ въ такое же отношеніе, въ какое нынѣ становится нижняя Італія къ Германіи. Тогда Европа потеряетъ свое значеніе для общественнаго развитія и будетъ представлять интересъ лишь своей природой и остатками своихъ развалинъ — памятниками былого величія.

Но нѣтъ никакихъ основаній для такихъ мрачныхъ ожиданій, въ виду наклонности и способности къ борьбѣ европейскаго пролетаріата, соединяющаго въ себѣ въ равной мѣрѣ воодушевленіе съ самоотверженностью и осторожностью. Даже и англійскій пролетаріатъ не даетъ повода къ пессимизму. Пролетаріатъ Англіи въ девятнадцатомъ вѣкѣ совершилъ столько, что

теперь еще слишкомъ рано говорить, что онъ въ своей летаргіи отошелъ уже въ область исторіи. Слѣдуетъ признать, что эта летаргія объясняется особыми преходящими условіями. Причина этого то же привилегированное положеніе, которое занимаетъ англійскій капиталъ на мировомъ рынкѣ и благодаря которому ослабли его способности къ конкуренціи и борьбѣ. Теперь, когда всему міру ясно, что это исключительное положеніе уже принадлежитъ прошедшему, должны также исчезнуть несамостоятельность и пассивность англійскихъ рабочихъ. Послѣднихъ соединяетъ съ буржуазіей либеральная свобода торговли. Поворотъ буржуазіи къ протекціонизму повлечетъ за собою и поворотъ рабочихъ къ социализму.

Когда мы разсматриваемъ возможность грядущей революціи, передъ нами всплываетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ проблеммъ, одного только не находимъ мы здѣсь: польскаго вопроса въ томъ смыслѣ, въ какомъ его развиваетъ Люся. Въ этомъ смыслѣ онъ вопросъ прошлаго. Если наши выводы показали, что мыслимы разнообразныя формы революціи; если въ дѣйствительности этихъ формъ можетъ оказаться еще больше, чѣмъ мы сейчасъ въ состояніи себѣ представить, такъ какъ еще могутъ обнаружиться и, вѣроятно, обнаружатся новые факторы, о которыхъ теперь еще никто и не думаетъ, то ясно, все-таки, одно: революція будущаго не возвратится къ формамъ и проблеммамъ, которыя уже принадлежатъ прошлому.

Пріемъ, съ помощью котораго мы пришли къ опредѣленнымъ выводамъ относительно польскаго вопроса, былъ слишкомъ сложенъ. Можно было придти къ тому же результату гораздо проще. Но я имѣлъ при этихъ выводахъ въ виду еще и нѣчто другое. Я надѣюсь, что разборомъ разнообразныхъ возможностей революціи, выяснено, что всѣ происки нѣмецкихъ вдохновителей исключительныхъ законовъ не въ состояніи помѣшать ей. При всѣхъ указанныхъ мною путяхъ революціи, которыми, по-видимому, она пойдетъ въ ближайшемъ будущемъ, нѣтъ мѣста революціонной инициативѣ Германіи, и революція должна быть извнѣ занесена въ Германію. Что можетъ измѣнить въ этой картинѣ какое-нибудь ограниченіе избирательнаго права, ухудшеніе права коалицій, усиленное преслѣдованіе социалистической прессы въ Германіи? Вѣдь принизить германскій пролетаріатъ до русскихъ условій невозможно.

Но чѣмъ больше германскія условія приближаются къ русскимъ, тѣмъ болѣе и положеніе германскаго правительства становится подобнымъ положенію русскаго. Тѣмъ болѣе это правительство впадаетъ въ противорѣчіе съ общими національными интересами и тѣмъ болѣе оно должно парализовать экономическую жизнь страны, потому что свободное развитіе капитализма предполагаетъ свободную инициативу каждого члена общества; чѣмъ болѣе эта инициатива встрѣчаетъ препятствій, тѣмъ болѣе стѣсненъ капитализмъ. Полицейскій гнетъ и разцвѣтъ хозяйственной жизни несовмѣстимы въ развитомъ капиталистическомъ государствѣ. Продолжительный режимъ насильственного подавленія социаль-демократіи повлекъ бы за собой экономическій регрессъ Германіи, тѣмъ болѣе, что носителями этого режима явились бы экономически самыя отсталыя классы: юнкерство, антисемитическая часть ремесленной мелкой буржуазіи и слѣдующей за ними части мелкаго крестьянства.

Это привело бы къ господству въ Германіи русскихъ условій, финансовому банкротству, къ застою промышленности, дезорганизации и разложенію арміи и бюрократіи, словомъ, ко всему тому, что дѣлаетъ существованіе русскаго правительства шаткимъ, а состояніе русской націи полнымъ отчаянія, обстоятельства, которыя, по всей вѣроятности, послужатъ тому, что инициатива грядущей революціи будетъ принадлежать Россіи.

Какъ уже сказано выше, я не ожидаю, что ближайшая революція начнется въ Германіи. Но если факты опровергнутъ это предположеніе, то причиной этого можетъ быть насильственный режимъ подавленія социаль-демократіи.

Я считаю такой режимъ все же не вѣроятнымъ, такъ какъ гражданская жизнь въ Германіи уже слишкомъ высоко для этого развита. Но я также не вѣрю, что германской социаль-демократіи дадутъ возможность и дальше развиваться на почвѣ законности. Я ожидаю, что германскій режимъ вновь вернется къ зигзагообразному курсу и еще въ большей степени, чѣмъ раньше; что снова повторятся попытки отвратить рабочія массы отъ социаль-демократіи путемъ широковѣщательныхъ обѣщаній, но безъ серьезнаго намѣренія осуществить эти обѣщанія, а это вызоветъ въ населеніи тѣмъ большее ожесточеніе, чѣмъ болѣе оно довѣрится правительству. Съ другой стороны, возможенъ режимъ, не чуждый отдѣльныхъ безсистемныхъ судорожныхъ взрывовъ ярости и насилія, поражающій отдѣльныхъ людей или досаждающій

всему пролетариату, но не способный сломить силу послѣдняго: режимъ, который своими мѣрами способенъ на каждомъ шагѣ вызывать возмущеніе, но не запугивать; но я не ожидаю режима, который, въ концѣ концовъ, съ самоубійственной энергіей приведетъ къ системѣ продолжительнаго господства террора, подавляющаго всякое проявленіе силы пролетариата.

Но какимъ бы путемъ ни шли господствующіе классы, путемъ ли мирной законности или русскаго терроризма, или неустойчиваго шатанія между первымъ и вторымъ, все таки они не въ состояніи будутъ воспрепятствовать классовой борьбѣ пролетариата.

III. Политическая стачка.

1) Вооруженное возстаніе.

Среди возраженій, выдвигаемыхъ противъ меня Люсней, нужно упомянуть еще объ одномъ, составляющемъ центральный пунктъ всей его статьи, отъ котораго она и получила свой заголовокъ. Онъ утверждаетъ, что пролетаріатъ не можетъ завоевать политическую власть иначе, какъ силой оружія.

Я замѣтилъ: „У насъ нѣтъ основаній предполагать, что вооруженное возстаніе съ баррикадной борьбой и другими подобными военными приемами можетъ еще и теперь играть рѣшающую роль. Основанія этого мнѣнія приводились достаточно часто, и мнѣ не зачѣмъ теперь подробно останавливаться на этомъ. Милитаризмъ можетъ быть сломленъ только въ томъ случаѣ, если само войско окажется ненадежнымъ, и народъ одержитъ надъ нимъ благодаря этому побѣду“.

Прежде всего, Люсня указываетъ на тотъ, якобы, недостатокъ, что я не привожу никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ для обоснованія этого взгляда. Меня изумляетъ, что онъ требуетъ еще доказательствъ. Если они ему дѣйствительно неизвѣстны, онъ ихъ можетъ найти въ столько разъ уже цитированномъ предисловіи Энгельса къ марксовой „Борьбѣ классовъ во Франціи“, гдѣ всѣ эти основанія собраны и изложены самымъ яснымъ образомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ написано это предисловіе, не было обнаружено никакихъ новыхъ фактовъ, никто не сдѣлалъ попытокъ опровергнуть мнѣніе Энгельса, и у насъ не было поводовъ вновь заняться изслѣдованіемъ этого вопроса. Здѣсь я могъ бы только списать соответствующее мѣсто у Энгельса.

Выводы самого Люсни служатъ лишь къ подкрѣпленію точки зрѣнія Энгельса, и Люсня долженъ согласиться, что въ наше время вооруженное возстаніе народа противъ войска было бы

безуміемъ. Когда онъ высказываетъ мнѣніе, что грядущая революція будетъ произведена силой оружія, то подъ этимъ онъ разумѣетъ не борьбу между народомъ и войскомъ, а борьбу между двумя частями войска, изъ которыхъ одна переходитъ на сторону народа. Это, разумѣется, случай вполне возможный, но это только особая форма общей предпосылки, „что войско окажется ненадежнымъ“ и отнюдь не опровергаетъ невозможности для „возмущающагося народа побѣдить это войско“, пока оно само не придетъ къ такому состоянію неблагонадежности.

Но есть-ли у насъ какія-нибудь причины заняться дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ этой особой формы. Размышленія о проблемахъ будущаго и средствахъ ихъ рѣшенія имѣютъ значеніе лишь тогда, когда даютъ возможность вліять на практику и теорію настоящаго, когда ихъ выводы могутъ воздѣйствовать на силу и направленіе нашей дѣятельности, успѣхъ нашей пропаганды и на ясность нашего мышленія. Но такъ какъ мы не намерены заниматься пропагандой въ арміи и вызывать ее на неподчиненіе,—объ этомъ теперь во всей германской социалдемократіи никто и не думаетъ—то вопросъ о томъ, какія формы можетъ и должно принять это неповиновеніе, не подлежитъ нашему обсужденію. Но, конечно, и теперь важно вполне выяснять себѣ, если не для нашихъ активныхъ дѣйствій, то въ интересахъ нашей пропаганды и теоретическаго мышленія, что намъ нечего ожидать отъ вооруженнаго возстанія народа и что мы ни въ какомъ случаѣ не дадимъ себя провоцировать на этотъ шагъ.

Также важенъ и другой связанный съ предыдущимъ вопросъ, котораго касается Люсня: если находятъ невозможнымъ противопоставить оружію правительства оружіе народа, то не исключается ли въ силу этого возможность для пролетаріата отразить силой насиліе враговъ?

Не будетъ-ли онъ безсиленъ въ случаѣ государственнаго переворота?

Располагаетъ-ли онъ какимъ-либо политическимъ оружіемъ кромѣ избирательнаго листка?

Борющийся пролетаріатъ можетъ превосходно политически развиваться и при такой конституціи, какую имѣетъ Германская Имперія. У него нѣтъ ни малѣйшей причины стремиться измѣнить ее насильственнымъ, внѣзаконнымъ путемъ. Но чѣмъ больше растетъ политическая мощь пролетаріата, тѣмъ скорѣе можно ожидать, что его противники низвергнутъ существующую

конституцію и замѣнять ее режимомъ насильственного подавленія пролетаріата и насильственного разрушенія его организаций, — словомъ, режимомъ насилія, который требуетъ рѣшительнаго отпора.

Тамъ, гдѣ массы мыслятъ социалъдемократически, такой режимъ все таки не можетъ привести къ вооруженному возстанію народа.

Если бы, въ концѣ концовъ, режимъ насилія и вызвалъ насильственное сопротивление пролетаріата, то послѣдній можетъ использовать лишь одно насильственное средство, которое онъ уже и теперь употребляетъ въ своей экономической борьбѣ, какъ послѣдній рѣшительный шагъ: это средство — *стачка*.

Но если бы и это средство оказалось такимъ же негоднымъ, какъ вооруженное возстаніе, въ виду очевиднаго неуспѣха его, то это не могло бы служить доказательствомъ, что дѣло пролетаріата безнадежно. Даже и въ этомъ случаѣ намъ нечего было бы отчаяваться. Пролетаріатъ уже и теперь настолько является защитникомъ будущихъ и современныхъ жизненныхъ интересовъ всей націи, что правительство не можетъ насильственно подавить его, не парализуя вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь всей націи. Такое положеніе дѣла рано или поздно должно привести къ экономическому или политическому краху при одномъ изъ тѣхъ кризисовъ, отъ которыхъ не застраховано ни одно государство. Конечно, въ этомъ случаѣ будущность пролетаріата менѣе надежна и больше зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, чѣмъ отъ его собственныхъ силъ, но все таки и тогда побѣда пролетаріата не невозможна.

Но если пролетаріатъ знаетъ, что онъ владѣетъ оружіемъ, которымъ можетъ парализовать средства насилія своихъ враговъ, то его энергія и увѣренность въ себѣ, а также и уваженіе къ нему со стороны его враговъ должны значительно возрасти. И поэтому обсужденіе вопроса о политической стачкѣ или, какъ несовсѣмъ удачно выражаются, генеральной стачкѣ имѣетъ большое значеніе для современнаго момента.

2) Различные типы стачекъ.

Какъ ни различны заключенія, къ которымъ пришли участвовавшіе въ обсужденіи вопроса о политической стачкѣ, во всякомъ случаѣ всѣ они доказали ясно одно: политическая стачка не та-

кого рода оружіе, которымъ можно пользоваться въ каждый данный моментъ по желанію, разъ только пролетаріатъ достаточно организованъ. Если она вообще можетъ имѣть успѣхъ, то лишь при особыхъ обстоятельствахъ.

Эти условія нельзя изучить на обычныхъ стачкахъ экономического характера, потому что политическая и экономическая стачка — явленія совершенно различныя.

При экономической стачкѣ рабочіе черпаютъ свои силы, съ одной стороны, въ необходимости для предпринимателей продолжать свое производство, съ другой стороны, въ конкуренціи между капиталистами и въ солидарности среди рабочихъ.

Постоянный капиталъ фабриканта — зданія, машины и т. д. — изнашиваются, если они даже не находятся въ употребленіи; иногда это бездѣйтельное состояніе постоянного капитала грозитъ ему совершеннымъ уничтоженіемъ, какъ напримѣръ, въ рудникахъ при бездѣйствіи насосовъ грозитъ наводненіе. Нерѣдко понижается потребительная цѣнность сырыхъ матеріаловъ отъ долгаго храненія на складахъ, напримѣръ, портится свекловича на сахарныхъ заводахъ.

Но къ этимъ техническимъ причинамъ, приносящимъ капиталистамъ убытокъ отъ приостановки предпріятій, присоединяются еще и экономическія. Высота уровня годовой суммы прибыли зависитъ не только отъ степени эксплуатаціи рабочихъ, но также отъ быстроты оборота капитала. Предположимъ, что мы имѣемъ капиталъ въ 2000000 марокъ, изъ котораго 400,000 составляетъ заработная плата, а 1600000 постоянный капиталъ. Предположимъ дальше для простоты, что въ годовомъ оборотѣ участіе постоянного капитала равно нулю. Соответствующій размѣръ прибавочной стоимости равенъ 100 процентамъ, следовательно, вся масса прибавочной стоимости при каждомъ оборотѣ капитала равна будетъ 400,000 мар. Если капиталъ сдѣлаетъ одинъ оборотъ въ теченіе года, то полученная прибыль равна будетъ 400,000 м. Норма прибыли будетъ поэтому равняться 400000

2000000 — т. е. 20 процентамъ. Но если капиталъ въ теченіе года сдѣлаетъ два оборота, то сумма прибавочной стоимости возрастетъ до 800000 м., а норма прибыли до 40 процентовъ, при той же степени эксплуатаціи рабочихъ. Степень эксплуатаціи остается неизмѣнной, а общая сумма заработной платы удвоилась при неизмѣнномъ же количествѣ рабочихъ, благодаря болѣе ре-

стройство и парализовало органы правительства и его голову и создавало вмѣстѣ съ тѣмъ такое положеніе, при которомъ правительство нуждалось въ наибольшемъ хладнокровіи, силѣ и единствѣ. Тамъ, гдѣ баррикадной борьбѣ не удавалось вызвать указанное положеніе, гдѣ правительство готово было встрѣтить эту борьбу или даже само провоцировало ее, тамъ баррикадная борьба неизмѣнно терпѣла поражение. Какая противоположность между февральскими и июньскими днями 1848 года въ Парижѣ и между мартовскими и октябрьскими днями того же года въ Вѣнѣ!

Въ то же время выбить правительство изъ позицій путемъ вооруженнаго возстанія даже при самомъ слабомъ и безтолковомъ режимѣ стало невозможно благодаря современному оружію. Теперь не только оружіе войска гораздо ужаснѣе, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но и населеніе въ значительной степени потеряло возможность вооружаться; теперь нельзя даже самому лить пули для своего ружья; если даже удастся добыть ружья изъ арсенала, то они совсѣмъ бесполезны безъ специальныхъ патроновъ.

Это сознаніе превосходства военной техники позволяетъ теперь правительству, достаточно безпощадному, спокойно встрѣтить народное возстаніе, а менѣе безпощадному правительству нѣтъ основаній бояться вооруженнаго возстанія, потому что такое правительство не окажется съ народной массой въ столь грубомъ противорѣчьи, которое одно было бы въ состояніи вызвать взрывъ крайняго отчаянія. Поэтому нечего ожидать, что вооруженное возстаніе народа можетъ еще и теперь оказать то сильное моральное вліяніе, которое необходимо, чтобы заставить правительство потерять голову и поколебать его орудія.

То, чего больше не можетъ достичь баррикадная борьба, должна выполнить политическая стачка: *дезорганизовать правительство*, такъ какъ стачка заставляетъ напрягать въ высшей степени его силу, разсудительность и послѣдовательность и этимъ принудить его къ отступленію или заставить уйти со сцены. Она является пробой силъ правительственной и пролетарской организаций *).

*) Что политическая стачка такъ же, какъ и баррикадная борьба, вліяетъ путемъ дезорганизаціи правительства, впервые и блестяще доказалъ Парвусъ въ своей статьѣ „Государственный переворотъ и политическая массовая стачка“ Neue Zeit XIV, 2. С. 199 ff., на которую долженъ обратить вниманіе всякій, кто хочетъ изучить вопросъ о политической стачкѣ.

Сразу приостанавливается все производство, на улицу выводятся массы рабочихъ, крупной и мелкой буржуазіей овладѣваетъ безумный страхъ, страхъ за свою жизнь, за свою собственность. Вся вооруженная сила вынуждается къ непрерывной раздражающей дѣятельности, такъ какъ каждый собственникъ страны требуетъ ея защиты, а массы бастующихъ рабочихъ появляются и исчезаютъ, избѣгая какихъ бы то ни было столкновеній съ вооруженной силой и собираясь повсюду, гдѣ эта сила отсутствуетъ; съ каждымъ днемъ стачки обостряются противорѣчія, стачка распространяется въ тѣхъ сельскихъ областяхъ, гдѣ развиты крупная промышленность или крупное землевладѣніе; увеличивается количество опасныхъ пунктовъ. Усиливается напряженіе войска, обостряются страданія и страсти стачечниковъ, страхъ собственниковъ, суматоха въ рядахъ правительства, которое хватается то за варварское и безумное насилие, то переходитъ къ трусливой уступчивости; со всѣхъ сторонъ отъ него требуютъ такъ или иначе положить всему конецъ, при чемъ оно не можетъ нигдѣ справиться съ пассивнымъ сопротивленіемъ, котораго нигдѣ нельзя уловить и которое тѣмъ не менѣе проявляется и утомляетъ правительство во всѣхъ углахъ и закоулкахъ. Если правительство достаточно сильно, чтобы, несмотря на все, устоять противъ врага, если его орудія не отказываются ему служить, и правительственный механизмъ не приходитъ въ разстройство, если ему удастся при всеобщемъ прекращеніи общественной жизни обезпечить безпрепятственное функционированіе всѣхъ частей государственнаго организма до тѣхъ поръ, пока силы рабочихъ не истощатся, пока рабочіе не окажутся передъ альтернативой или итти опять подъ ярмо, или попытаться отчаяннымъ насильственнымъ актомъ вырвать успѣхъ, котораго они не могли достигнуть посредствомъ революціи скрещенныхъ рукъ,—въ такомъ случаѣ правительство имѣетъ шансы на побѣду, но, конечно, эта побѣда должна быть куплена дорогой цѣной. И всѣ тѣ ужасы, которыхъ боится буржуазія отъ стачки, должны обрушиться въ такомъ случаѣ на участниковъ этой стачки.

Наоборотъ, если стачечникамъ удастся сохранить свое единодушіе и цѣлесообразную пассивность до тѣхъ поръ, пока они не дезорганизуютъ правительство въ какомъ либо пунктѣ, если имъ, положимъ, удастся привлечь на свою сторону какой нибудь необходимый для правительства факторъ; или, если правительство само создало всеобщее замѣшательство, благодаря своимъ *ordre, contreordre, desordre* (приказамъ, контръ-приказамъ и безо-

рядку) и вызвало таким образом слабость и беспомощность среди своих сторонников, тогда пролетариат на пути к побѣдѣ; тогда имущіе теряютъ увѣренность въ способности правительства защитить ихъ; среди нихъ возрастаетъ страхъ, что всякое продолженіе сопротивленія можетъ принести имъ погибель; они обрушиваются на правительство и требованіями уступить бросаютъ его на произволъ судьбы и стараются войти въ соглашеніе съ вновь нарождающимися властями, чтобы спасти то, что еще возможно спасти. Правительство теряетъ всякую почву подъ ногами, и государственная власть попадаетъ въ руки того класса, который во время кризиса сумѣлъ дольше всѣхъ сохранить свое организационное единство, увѣренность и спокойствіе, которое импонируетъ индифферентной массѣ, который благодаря разумному употребленію своей силы обезоруживаетъ даже собственныхъ противниковъ: государственная власть перейдетъ въ руки обученнаго социалдемократіей пролетариата.

4) Условія успѣха политической стачки.

Чтобы пролетариатъ могъ побѣдить при помощи политической стачки, необходимо прежде всего, чтобы онъ составлялъ преобладающую часть населенія, былъ интеллигентенъ и въ большей своей части такъ хорошо организованъ, что даже формальное распусценіе его организацій не могло бы уничтожить его сплоченности и дисциплины. Необходимо, чтобы пролетариатъ могъ постоянно выдвигать изъ своей среды новыхъ вождей, которымъ онъ оказывалъ бы такое же добровольное повиновеніе, когда его популярныя передовые борцы будутъ арестованы; необходимо, чтобы пролетариатъ не поддавался провокаціи или раздраженію и не увлекался неразумными и поспѣшными дѣйствіями, чтобы въ его средѣ не распространились ни вспышки ярости, ни паника и чтобы онъ изъ-за мелкихъ побочныхъ обстоятельствъ не забывалъ своей великой цѣли. Промышленность должна стоять на очень высокой ступени развитія, пролетариатъ долженъ пройти долгую школу политической и профессиональной борьбы, прежде чѣмъ онъ рѣшится пойти такъ далеко.

Съ другой стороны, правительство должно обнаруживать извѣстные признаки слабости, чтобы стачка была въ состояніи поколебать его. Эта возможность напередъ исключается, если пра-

вительство избрано народомъ и опирается не на внѣшнія средства владычества, поддающіяся дезорганизаторской дѣятельности стачки, а на большинство народа. Въ Швейцаріи, напримѣръ, такая попытка поколебать и завоевать правительственную власть путемъ политической стачки была бы и безнадежной, и излишней. Такъ какъ политическая стачка можетъ побѣдить правительство только своимъ дезорганизующимъ вліяніемъ, а не своимъ политическимъ давленіемъ на общество, то она умѣстна лишь тамъ, гдѣ правительственная власть достигла извѣстной самостоятельности по отношенію къ народу, какъ это мы въ дѣйствительности и находимъ во всѣхъ большихъ современныхъ государствахъ. Но и въ этихъ государствахъ пролетариатъ можетъ имѣть надежду на успѣхъ только тамъ, гдѣ онъ сталкивается съ правительствомъ, по внѣшности сильнымъ и свирѣпымъ, но въ дѣйствительности слабымъ и безтолковымъ, не пользующимся довѣріемъ среди имущихъ и даже среди арміи и бюрократіи. Сильное, дальновидное правительство, импонирующее всѣмъ классамъ населенія, навѣрное, не побѣдитъ политической стачкой.

Къ счастью для пролетариата, современное развитіе всюду проявляетъ тенденцію ослабить правительство и сдѣлать недобровольными имъ всѣ классы общества. И это не случайность. Пока государственная власть преслѣдуетъ великія цѣли, соответствующія интересамъ массы націи, до тѣхъ поръ борьба, которую оно ведетъ, создаетъ великихъ людей, за которыми стоятъ сплоченныя большія партіи. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ правительственная власть и стоящіе за нею классы уже достигли всего существеннаго, какъ это мы имѣемъ теперь. Теперь нѣтъ больше общихъ великихъ интересовъ, способныхъ объединить всѣ эти классы. Мелкіе мѣстные и профессиональные интересы выступаютъ на первый планъ, и партіи имущихъ классовъ все болѣе раскалываются на мелкія, близорукія клики. Правительства все болѣе приобретаютъ характеръ коалицій, не задающихся проведеніемъ великихъ программъ, старающихся собрать разнородные элементы подъ однимъ колпакомъ; это, однако, возможно лишь въ томъ случаѣ, если эти элементы отказываются отъ остатковъ своихъ традиционныхъ программъ. Такимъ образомъ, все болѣе усиливается ихъ неспособность къ законодательной дѣятельности и вся ихъ сила концентрируется на томъ или иномъ ближайшемъ мѣропріятіи, — вродѣ таможеннаго тарифа, или полицейскаго выселенія пары поповъ и монахинь, — ради чего все остальное бросается безъ вниманія.

Въ такой атмосферѣ не могутъ дышать люди дѣла, энергичные и съ широкими взглядами; она благопріятствуетъ лишь безшабашнымъ интриганамъ и мастерамъ все затушевывать и сглаживать, которые на словахъ и общаніяхъ готовы служить самымъ противорѣчивымъ тенденціямъ, но на дѣлѣ заботятся только о завтрашнемъ днѣ, совершенно не думая о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ. Эти люди—вылощенные дипломаты, часто довольно интеллигентные, всегда очень любезные, опытные въ искусствѣ привлеченія нужныхъ имъ людей, но совершенно неспособные преодолѣть крупное препятствіе и удовлетворить какой нибудь большой интересъ на продолжительное время; они неспособны также импонируютъ подчиненнымъ своимъ превосходствомъ. Они очень удобные корміе, когда сіяетъ солнце и вѣетъ нѣжный зефиръ. Но когда наступаетъ буря, они оказываются безсильными и еще до ея натиска теряютъ свой авторитетъ въ виду противорѣчій, которыми они служатъ и которыя они стремятся не разрѣшить, а только замазать.

Чѣмъ неожиданнѣе разражается буря, тѣмъ безпомощнѣе они встрѣчаютъ ее. Здѣсь мы находимъ вторую сходную черту между баррикадной борьбой и политической стачкой. Мы видѣли, что въ обоихъ случаяхъ главное значеніе имѣетъ моральное вліяніе на правительство и неожиданная дезорганизация его. Такъ какъ именно это, а не тактическое превосходство надъ войскомъ, являлось рѣшающимъ моментомъ при баррикадной борьбѣ, то эта форма борьбы имѣла лишь тогда шансы на успѣхъ, когда она разражалась неожиданно, заставляла правительство врасплохъ, не давъ ему времени приготовиться. Это происходило обыкновенно только при стихійныхъ возстаніяхъ, когда народъ, самъ слѣдуя внезапному побужденію, шелъ на баррикады. Но онъ не всегда былъ лишенъ при этомъ всякой организации и руководства. Во Франціи послѣднее большей частью исполняли тайныя общества. Но тамъ, гдѣ тайныя общества не только руководили взрывомъ и старались его использовать, но сами задолго подготавливали и распространяли его, надъ ними слишкомъ легко было одержать верхъ. Политическая полиція имѣетъ всюду своихъ шпионовъ, и правительство всегда бывало осведомлено о готовящемся актѣ. Кромѣ того предназначенный моментъ возстанія не всегда совпадалъ съ моментомъ сильнаго оппозиціоннаго подъема народныхъ массъ.

Тоже и съ политической стачкой, если согласиться, что ея побѣда зависитъ не отъ экономическаго давленія на капитали-

стовъ, а отъ ея парализующаго и приводящаго въ замѣшательство вліянія на правительственный механизмъ. Чѣмъ стачка неожиданнѣе, чѣмъ болѣе самопроизвольный характеръ она носитъ, тѣмъ скорѣе она добьется такого воздѣйствія. Что справедливо для всякой стачки, то еще въ большей степени важно для политической: самая значительная часть ея вліянія пропадаетъ, если она заранѣе назначается на опредѣленный срокъ. Это назначеніе стачки имѣетъ лишь тогда смыслъ, если не существуетъ серьезнаго намѣренія осуществить ее, а хотѣть лишь использовать ее въ видѣ угрозы. Но такія угрозы быстро теряютъ свое вліяніе и, если за ними не слѣдуетъ рѣшительное дѣйствіе, онѣ только сѣютъ недовѣріе и упадокъ духа въ собственныхъ рядахъ угрожающихъ.

Политическая стачка имѣетъ наибольшую надежду на успѣхъ, когда она самопроизвольно возникнетъ, какъ результатъ данныхъ условий, которыя вызываютъ въ народныхъ массахъ глубокое возмущеніе—какая-либо очень большая несправедливость по отношенію къ нимъ, государственный переворотъ или нѣчто подобное—такъ, что онѣ готовы на все рѣшиться, и когда по народной массѣ, какъ искра, распространяется такой лозунгъ, какъ напр., забастовка, все увлекаетъ за собой, и, благодаря внезапности, всеобщности и мощи движенія, врагъ приходитъ въ замѣшательство, робѣетъ и теряется.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе мнѣнія, что раньше, чѣмъ начинать политическую стачку, весь рабочій классъ долженъ быть организованъ по профессіямъ. Такое предположеніе никогда не осуществится; оно имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы рассчитывали побѣдить врага при помощи экономическаго давленія, являющагося результатомъ длительной приостановки работъ. Если же расчетъ на побѣду основывается на моральномъ ударѣ, то для этого нужна не всеобщая *организованность*, а всеобщее возмущеніе пролетарскихъ массъ. Конечно, это возмущеніе осталось бы безрезультатнымъ при отсутствіи организованности и прошедшихъ черезъ школу организации рабочихъ массъ, представляющихъ душу и мозгъ движенія.

Съ соответствующими измѣненіями можно сказать о политической стачкѣ то же самое, что Марксъ въ 1852 г. писалъ о вооруженномъ возстаніи:

„Возстаніе есть совершенно такое же искусство, какъ война или всякое другое искусство; оно подчиняется извѣстнымъ правиламъ, пренебреженіе которыми приводитъ къ гибели вино-

вную въ этомъ партію. Во первыхъ, никогда не слѣдуетъ затѣвать возстанія, если не рѣшились справиться со всѣми послѣдствіями этой затѣ. Возстаніе есть уравненіе съ очень неопредѣленными величинами, значеніе которыхъ можетъ измѣняться каждый день; силы, съ которыми приходится вести борьбу, имѣютъ всѣ преимущества организаціи, дисциплины и обычнаго авторитета вполне на своей сторонѣ; если имъ нельзя противопоставить достаточно крѣпкую силу, результатомъ будетъ пораженіе и гибель. Во-вторыхъ, разъ возстаніе начато—нужно дѣйствовать съ величайшей рѣшительностью и взять въ свои руки инициативу нападенія. Оборона—смерть для всякаго вооруженнаго возстанія; при ней возстаніе обречено на гибель, даже не помѣрившись силами съ врагомъ. Слѣдуетъ нападать на врага вслѣдъ за имѣющею больше шансовъ на побѣду сторону, необходимо принудить врага къ отступленію, прежде чѣмъ онъ успѣетъ стянуть свои силы; словомъ, какъ сказалъ Дантонъ, величайшій изъ извѣстныхъ до настоящаго времени мастеровъ революціонной тактики: смѣлость, смѣлость и еще разъ смѣлость. („Революція и контр-революція въ Германіи“ стр. 112).

Mutatis mutandis это также справедливо и по отношенію къ политической стачкѣ. Съ ней нельзя играть,—нельзя обязаться осуществить ее въ заранѣе назначенный день; когда же наступаетъ подходящий моментъ, когда рабочія массы ее настойчиво требуютъ, и борьба съ правительствомъ разгорается, тогда побѣда тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ быстрѣе за рѣшеніемъ начать стачку, слѣдуетъ ея осуществленіе, но безъ замедленій, безъ лишннихъ переговоровъ, прежде чѣмъ противникъ успѣетъ собрать свои силы и намѣтить свой военный планъ; эта побѣда тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ меньше времени она даетъ врагу, чтобы опомниться и свободно вздохнуть.

Въ этомъ отношеніи бельгійская стачка въ апрѣлѣ 1902 г. показала намъ, какъ не слѣдуетъ ее дѣлать.

Сначала борьба съ правительствомъ на жизнь и смерть была объявлена на опредѣленный день, а затѣмъ, когда оно, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно времени, успѣло собраться съ силами и вооружиться, стянуть свои боевыя силы

въ полной боевой готовности—послѣ этого начали всеобщую забастовку.

Мы далеки отъ мысли упрекать бельгійскихъ товарищей за эти ошибки. Несмотря на ошибки, они такъ мужественно боролись и въ такомъ порядкѣ отступили, что этимъ, насколько было возможно, исправили эти ошибки. И притомъ наблюдателю всегда легче открыть ошибки, чѣмъ дѣйствующему избѣжать ихъ. Но наше желаніе не дѣлать нашимъ бельгійскимъ товарищамъ упрековъ не должно заходить такъ далеко, чтобы прикрывать ихъ ошибки; иначе намъ грозитъ опасность повторить ихъ. У насъ нѣтъ никакого основанія порицать нашихъ бельгійскихъ товарищей, мужественно вступившихъ на такой незнакомый и тернистый путь, но мы должны у нихъ учиться, чтобы не пойти вновь невѣрнымъ путемъ, который далеко заведетъ насъ отъ пути успѣха.

Если примѣръ бельгійской стачки поучителенъ, мы придемъ къ убѣжденію, что для насъ, въ Германіи, было бы роковой ошибкой объявить политическую стачку на опредѣленный моментъ, какъ напримѣръ, въ случаѣ ограниченія избирательнаго права въ рейхстагѣ.

Противъ такого установленія срока говорить еще другое обстоятельство. И здѣсь мы можемъ указать снова на сходство между политической стачкой и баррикадной борьбой.

Изъ чего бы не исходила баррикадная борьба, она всегда основана на стремленіи низвергнуть господствующее правительство, а не вырвать у него какую нибудь единичную уступку. И это было весьма естественно. Въ баррикадной борьбѣ на карту ставится жизнь. А ея рискуютъ только для великихъ цѣлей. Только сознаніе возможности сбросить ставшее невыносимымъ иго можетъ влить въ массы храбрость и воодушевленіе, необходима, чтобы броситься на вооруженнаго врага.

Но поколебать его возможно только тогда, когда онъ начинаетъ ощущать, что господствующій режимъ уже рушится. Пока солдатъ знаетъ, что и завтра у него останется то же начальство, что и сегодня, даже если его возмущеніе на мгновеніе будетъ имѣть успѣхъ, онъ все таки не могъ не опасаться нарушенія дисциплины, потому что ему неизбѣжно было жестокой кары. Его могло поколебать лишь сознаніе, что его переходъ на сторону народа, или даже его пассивность, поможетъ ниспровергнуть правительство, и нарушеніе дисциплины изъ преступленія превратится въ актъ высшей гражданской доблести.

Наконец, правительство теряло окончательно голову только тогда, когда оно замечало, что каждый фальшивый шаг его, как в сторону послабления, так и в сторону беспощадных действий, грозил ему не только потерей большей или меньшей части его власти или престижа, но и всему его существованию.

Такие же соображения применимы и к политической стачке. И здесь ставится на карту крупная ставка; каждый из борцов рискует, если и не самой жизнью, то все же своим экономическим положением в гораздо большей степени, чем при обычной стачке, когда за спиной пострадавших одной какой-нибудь отрасли данной местности стоят все рабочие, располагающие своими крепкими организациями и средствами помощи. Крушение политической стачки, если борьба ведется до последней степени напряжения, означает поражение всего рабочего класса, уничтожение всех его экономических и политических организаций и полную утрату им способности к борьбе на целые годы.

На последнем висконсе партейтаг Виктор Адлер высказал мнение, что он начал больше симпатизировать всеобщей стачке с тех пор, как „славное отступление“ бельгийских товарищей показало, что разумно и обдуманно ведущаяся стачка может быть доведена до конца. Судя по общему характеру его речи, Адлер, очевидно, хотел сказать этим замечанием, что не только можно довести стачку, разумно и рассчитливо руководя ею, до победы, но ее можно также прервать, не терпя поражения, когда невозможность победы становится очевидной. Этой последней возможности я не очень доверяю. Генерал, начинающий битву в надежде, что он может каждую минуту прервать ее, если узнает, что враг сильнее, чем он ожидал, может сделать очень плохой опыт. Кто начинает битву, должен быть готовым довести ее до решительного конца и должен всегда считаться с возможностью поражения. Во всех начинаемых нами серьезных действиях от нас зависит только начало их. Какой оборот они примут впоследствии зависит не только от нас, но и от нашего противника.

Но возможность поражения не должна удерживать нас от борьбы. Плох тот воин, который рвется на бой только тогда, когда победа ему заранее обезпечена. Бывают даже такие моменты, когда нужно принять сражение, хотя оно и об-

щает поражение, так как отступление без борьбы было бы равносильно полному моральному банкротству.

Но чем пагубнее последствия возможного поражения, тем больше должно остерегаться без крайней нужды вступать в борьбу, тем важнее должна быть добыча, из-за которой она начинается.

С другой стороны, при массовой стачке, как и при баррикадной борьбе, правительство тем скорее теряет голову, чем больше угрожающая ему опасность, и справедливость этого по отношению к режиму, расшатанному и разлагающемуся, не требует доказательства. А только о таком режиме может идти речь. Правительство, действующее целесообразно, единодушно, твердо, связанное с массами населения, еще более усиливается во время опасности. И до сих пор еще не найдено метода, как низвергнуть такое правительство.

Правительственный механизм тем скорее приходит в беспорядок, чем больше и сильнее опасность, угрожающая правительству. Это показало состояние войска во время баррикадной борьбы, это же справедливо и относительно государственных наемных рабочих. Мы уже указали выше на железнодорожных рабочих, еще больше других рабочих слоев заинтересованных в введении пролетарского режима. Но именно они и рискуют больше всех, если стачка не окончится победой и правительство останется на старом положении. И даже временная победа может послужить для них причиной поражения в дальнейшем, если результатом ее является не изменение правительственного режима в пролетарском духе, а лишь частичная уступка. Это показала голландская стачка.

В большей части стран железнодорожные рабочие должны будут, раньше чем примкнуть к политической стачке, хорошенько обсудить, приведет ли стачка к господству пролетариата в правительстве.

То же самое можно сказать и по отношению к другим массам, в которых нуждается правительство, чтобы его механизм мог функционировать.

В этом мы также имеем основание искать причину крушения последней бельгийской генеральной стачки. Железнодорожные служащие и рабочие, солдаты и т. д., конечно, охотнее примкнули бы к стачке, если бы заранее были уверены, что ее успех поставит на место ультрароманского правительства министерство Анзеле-Вандервельде.

Гдѣ социалдемократія недостаточно сильна и готова, въ случаѣ побѣды, взять въ свои руки кормило правленія, тамъ шансы политической массовой стачки очень неважны.

Если справедливы всѣ сдѣланныя нами здѣсь замѣчанія, то мы должны притти къ заключенію, что массовая политическая стачка при извѣстныхъ условіяхъ можетъ сослужить превосходную службу, но для успѣшнаго проведенія ея еще не наступило время. Она не представляетъ ни повелительнаго средства для того, чтобы вырвать отдѣльныя уступки у господствующихъ классовъ и также не даетъ пролетаріату возможности обезпечить за собой при какихъ бы то ни было условіяхъ всѣ добытыя политическія свободы и права.

Но тамъ, гдѣ у пролетаріата отняты его легальныя средства политической борьбы, гдѣ онъ политически можетъ потерять мало, а выиграть безконечно много, если политическая стачка начинается при благоприятныхъ условіяхъ, при плохо вооруженномъ или находящемся въ крайнемъ стѣсненіи правительствѣ, тамъ политическая массовая стачка можетъ послужить для пролетаріата рѣшительнымъ средствомъ въ схваткѣ изъ за политической власти. Такая стачка дѣйствительно революціонное средство и, какъ таковое, умѣстно только въ революціонную эпоху, когда борьба ведется не за отдѣльныя права,—будь это избирательное право или право союзовъ, или вообще что либо подобное,—это средство умѣстно только въ борьбѣ за всю политическую власть.

Если политическая стачка не умѣстна при условіяхъ переживаемого нами момента, то возникаетъ вопросъ, представляетъ ли она вообще средство, примѣненіе котораго необходимо при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ. Мы уже видѣли, что невозможно предвидѣть формы грядущей борьбы за политическую власть; событія за границей,—какъ на таковыя мы уже указали на бельгійское возстаніе, несчастную войну Россіи, гражданскую войну въ Соединенныхъ Штатахъ,—могутъ оказать такое воздѣйствіе на Германію, что завоеваніе политической власти въ послѣдней можетъ совершиться мирнымъ путемъ, безъ всякой катастрофы. Съ другой стороны, сила и средства сопротивленія, уже теперь находящіяся въ распоряженіи пролетаріата и продолжительность ихъ дѣйствія еще не подвергались крайнимъ испытаніямъ и, наконецъ, будущее можетъ принести еще много неожиданнаго.

И потому нѣтъ ничего болѣе преждевременнаго, какъ взять на себя обязательство выступить съ массовой политической забастовкой, указавъ, въ какихъ случаяхъ это будетъ сдѣлано. Но у насъ нѣтъ ни малѣйшей причины удариться и въ другую крайность. Я вполне согласенъ съ Адлеромъ, когда онъ въ своей уже цитированной нами рѣчи говоритъ: „я не стою за то, чтобы успокаивать нашихъ противниковъ, будто они избавлены отъ опасности генеральной стачки. Этимъ мы только будемъ питать въ нихъ опасныя иллюзіи. Отъ генеральной стачки мы не хотимъ отказаться. Но когда и какъ она произойдетъ—зависитъ отъ обстоятельствъ.“

5) Споры о политической стачкѣ.

Если мы не можемъ еще сказать чего-либо опредѣленнаго о примѣненіи въ будущемъ политической стачки, то какой же смыслъ обсуждать этотъ методъ борьбы, къ примѣненію котораго мы, можетъ быть, и не придемъ, и если этотъ методъ въ необходимый моментъ вліяетъ тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ неожиданно онъ примѣняется? Не значить ли это, съ одной стороны, высидывать еще неснесенныя яйца, а, съ другой, раскрывать преждевременно противникамъ свои карты?

Ломать себѣ голову надъ будущимъ бессмысленно только въ томъ случаѣ, если наши нынѣшнія дѣйствія не могутъ вліять на будущее, и если наши воззрѣнія на будущее не могутъ оказать вліянія на нашу настоящую дѣятельность. Но тамъ, гдѣ такое взаимное вліяніе существуетъ, изслѣдованіе будущаго не только дозволительно, но и обязательно. Если примѣненіе въ будущемъ массовой политической стачки не безусловно необходимо, то оно еще менѣе безусловно исключается. Мы и должны открыто обсуждать вопросъ о всеобщей стачкѣ именно для того, чтобы массовая стачка могла сказать вліяніе, не была подготовлена какой нибудь сравнительно слабой организаціей къ опредѣленному моменту, какимъ-нибудь бунтомъ, а самопроизвольнымъ взрывомъ глубокаго общаго гнѣва пролетаріата. Если баррикадные бои 1848 г. возникали стихійно и, увлекая за собой населеніе, привели къ успѣшному концу, то это было возможно только потому, что практика вооруженнаго возстанія многихъ десятковъ лѣтъ, начиная отъ штурма Бастиліи, приучила народъ къ этому методу борьбы. Но полсбная форма обученія борьбѣ

въ настоящее время и не нужна и не желательна. Современный уровень политических правъ даетъ намъ возможность открыто предъ всѣмъ міромъ теоретически обсуждать наши средства политической борьбы, что до 1848-го года было невозможно. Мы можемъ путемъ такой дискусіи перенести до нѣкоторой степени необходимость такого обученія изъ области практики—въ область теоріи, и мы были бы большими глупцами, если бы не сдѣлали этого. Современныя формы демократіи не дѣлаютъ излишней, какъ это думаютъ ревизионисты, великую рѣшительную борьбу классовъ за политическую власть. Но онѣ устраняютъ огромную часть богатыхъ жертвами неудачныхъ попытокъ вызвать рѣшительный бой до надлежащаго времени, до того момента, когда возвышающіеся классы окрѣпнутъ и созрѣютъ для того, чтобы фактически взять въ свои руки политическую власть и съ успѣхомъ воспользоваться ею. Если же мы хотимъ избѣжать экспериментовъ съ политической стачкой, то мы тѣмъ болѣе должны развить ея теорію и ознакомить съ ней нашихъ товарищей, ибо когда дѣло дойдетъ до того, что пролетаріатъ долженъ будетъ взяться и возьмется за оружіе политической стачки, послѣдняя будетъ лишь въ томъ случаѣ цѣлесообразно примѣнена, если о ней будетъ ясное представленіе еще до ея примѣненія.

Но открытое обсужденіе политической стачки не только необходимо средство, замѣняющее школу практическихъ опытовъ; оно можетъ также имѣть весьма цѣнное вліяніе на нашу политическую жизнь.

Какъ раньше, такъ и теперь остается справедливымъ выраженіе Маркса, что сила является акушеромъ при рожденіи каждаго новаго общества. Никакой господствующій классъ не уступаетъ добровольно безъ принужденія своего мѣста. Но это еще не значитъ, что акушеромъ новаго общества должно быть насиліе. Выдвигающійся классъ долженъ обладать необходимой силой, если онъ хочетъ лишиться власти старый господствующій классъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что неизбежно придется *примѣнять* эту силу. При извѣстныхъ условіяхъ можетъ оказаться достаточнымъ сознаніе, что такія силы существуютъ, чтобы заставить находящійся въ упадкѣ классъ пойти на уступки передъ превосходными силами противника.

Чѣмъ болѣе могущественныхъ средствъ находится въ распоряженіи пролетаріата, чѣмъ шире распространено пониманіе ихъ, тѣмъ вѣроятнѣе возможность мирнаго перехода отъ капи-

тализма къ социализму. Насколько вообще достигимъ подобный родъ социальной революціи, это не зависитъ отъ нашихъ миролюбивыхъ завѣреній, отъ отказа отъ „плохихъ традицій“ (*fresslegende*), не зависитъ также отъ нашихъ обѣщаній и уступокъ, которыя или не будутъ серьезно приняты, такъ какъ ихъ сочтутъ лицемеріемъ, или будутъ ложно истолкованы, какъ признакъ страха, и укрѣпятъ нашихъ противниковъ въ упорномъ нежеланіи дѣлать намъ какія либо существенныя уступки. Только нашимъ могуществомъ мы можемъ импонировать нашимъ противникамъ и заставить ихъ искать мирнаго соглашенія съ нами, желательнаго также и для насъ, если только оно не опасно для освобожденія рабочаго класса и не влечетъ за собой его замедленія. Старая пословица „если хочешь мира готовься къ войнѣ“—примѣнима здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Если въ результатѣ нашей дискусіи мы придемъ къ выводу, что политическая стачка, хотя и обоюдо-острое, примѣнимое только въ крайнихъ случаяхъ оружіе, но всегда опасное и для нашихъ противниковъ; что при извѣстныхъ обстоятельствахъ оно дѣйствуетъ уничтожающимъ образомъ; если мы при этомъ найдемъ, что вѣроятность примѣненія этого оружія въ концѣ концовъ тѣмъ болѣе усиливается, чѣмъ болѣе отнимаютъ или суживаютъ другія доступныя намъ средства политической борьбы, тогда эти выводы даютъ намъ возможность укрѣпить нашу позицію въ дѣлѣ сохраненія нашихъ политическихъ правъ и предотвращенія политическихъ катастрофъ.

Конечно, и въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ возлагать черезчуръ большихъ упованій на мирное развитіе. Когда меня подстерегаетъ разбойникъ и я вынужденъ застрѣлить его, то грозящая мнѣ опасность во всякомъ случаѣ слабѣе, если я свой револьверъ не прячу въ карманъ, а даю его разбойнику замѣтить, чтобы онъ не считалъ меня безоружнымъ. И съ этой точки зрѣнія можно рекомендовать открытую дискусію вопроса о политической стацкѣ.

Наконецъ, это столь же необходимо и въ интересахъ нашей партіи. Всѣ споры послѣднихъ лѣтъ въ нашихъ рядахъ возникаютъ потому, что чувствуется, что, если мы будемъ держаться такой же тактики, какъ сейчасъ, и ряды наши будутъ такъ же усиливаться, то это поведетъ насъ къ рѣшительному столкновенію съ господствующими классами. Если мы при этомъ не владѣемъ никакимъ другимъ политическимъ оружіемъ кромѣ того, которое дано намъ самими этими классами, именно всеобщаго

избирательного права, то конечно наши виды на будущее довольно плохи. Тогда намъ слѣдуетъ найти, не медля, новую тактику, которая или отодвинетъ на сотни лѣтъ рѣшительную борьбу, или превратится въ безконечный рядъ не имѣющихъ значенія ничтожныхъ схватокъ, или на прудоновскій манеръ постарается обойти объектъ борьбы—политическую власть. Во всѣхъ этихъ попыткахъ избѣжать врага или заслужить его добрый отзывъ заключается опасность пожертвовать ради существованія партіи всѣмъ тѣмъ, что составляетъ основу и оправданіе этого существованія и, благодаря этому, лишить партію людей и повести ее къ постепенному уничтоженію.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, если въ пролетаріатѣ живетъ сознаніе, что онъ владѣетъ цѣлымъ рядомъ средствъ, примѣненіе которыхъ совершенно не зависитъ отъ добраго желанія господствующихъ классовъ, и что эти средства дадутъ ему въ концѣ концовъ достаточно силъ, чтобы побѣдить своихъ враговъ; даже тогда, когда послѣдніе обратятся къ самымъ звѣрскимъ мѣрамъ, онъ пойдетъ съ прежнимъ спокойствіемъ по тому правильному пути, по которому онъ двинулся уже такъ далеко, и не поддастся интриганамъ, провокаторамъ, которые охотно угопили бы пролетаріатъ въ его собственной крови; но пролетаріатъ также не устрашать предупрежденія его боязливо настроенныхъ друзей, которые желаютъ ему побѣды, но пугаются его борьбы.

Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ развить въ пролетаріатѣ это возвышающее и закаляющее чувство силы и увѣренности въ побѣдѣ, можетъ по моему мнѣнію служить распространеніе сознанія—возможности и пригодности политической стачки.

И изслѣдованіе возможности и методовъ этой стачки такъ необходимо для насъ, именно, въ виду этого неопредѣлагаго ея вліянія.

IV. С.—Д. и С.—Р. въ Россіи *).

Изъ всѣхъ разногласій, происходящихъ въ настоящее время между революціонными партіями Россіи, самыми глубокими и существенными являются разногласія между социаль-демократами различныхъ организацій и направленій („Искра“, „Впередъ“, „Бундъ“, Латышская С. Д. и С. Д. Польши и Литвы), съ одной стороны и социалистами-революціонерами террористами, съ другой.

Тотчасъ послѣ гапоновскаго воззванія „Vorwärts“ помѣстилъ (30 марта) помѣченное апрѣлемъ 1881 года письмо Карла Маркса къ дочери, въ которомъ говорится о русскихъ террористахъ того времени. „Vorwärts“ заимствуетъ это письмо изъ „Die Socialiste“ и снабжаетъ его комментаріями въ своей исторической части, почерпнутыми изъ того же журнала.

Отъ себя же онъ прибавляетъ къ этому слѣдующую фразу.

*) Партійныя разногласія русской социалдемократіи, отчасти уже изжитыя ею, вызвали среди нѣмецкихъ товарищей живой обмѣнъ мыслей и породили множество статей въ германской социалдемократической литературѣ за 1904-5 годы. Карлъ Каутскій со свойственными ему глубиной и тщательностью анализа въ короткой журнальной статьѣ въ „Neue Zeit“ далъ оцѣнку этимъ разногласіямъ, охвативъ вопросъ значительно шире другихъ авторовъ. Съ прозорливостью стараго политика-борца онъ увидѣлъ, что „борьба протъ въ общаго врага и быстрая смѣна политическихъ положеній уничтожить самый объектъ спора и возстановить единство социалдемократической партіи“, и разногласія онъ видѣлъ не между отдѣльными фракціями с.-д., а между послѣдними и с.-р.

Этому вопросу и посвящена предлагаемая статья, переведенная съ нѣкоторыми сокращеніями.

Прим. Ред.

„Въ немногихъ строкахъ Карлъ Марксъ исчерпалъ здѣсь все, что вообще можетъ быть сказано по вопросу о русскомъ терроризмѣ.“

Болѣе всѣхъ былъ бы изумленъ этимъ сужденіемъ самъ Карлъ Марксъ, если бы могъ прочитать его. Что говорится въ письмѣ?

Во первыхъ, констатируется фактъ, что люди, совершившіе въ Петербургѣ покушеніе на Александра II—„люди, выдающейся энергіи и рѣшимости безъ мелодраматической позы.“

Совершенно вѣрно. И это вѣрно въ настоящее время не по отношенію къ террористамъ только, а ко всей массѣ русскихъ революціонеровъ, къ какому бы направленію они ни принадлежали. Но поэтому самому здѣсь не говорится еще ровно ничего по вопросу о русскомъ терроризмѣ. Также несомнѣнно вѣрно и второе замѣчаніе Маркса, что тактика террористовъ „специфически русская тактика“, бывшая „исторически неизбѣжной.“ Этого, насколько мнѣ извѣстно, никто и не отрицалъ. Но этимъ замѣчаніемъ Марксъ лишь формулируетъ свое отношеніе къ русскому терроризму, но нисколько не исчерпываетъ „всего, что вообще можетъ быть сказано о послѣднемъ.“ А такъ какъ кромѣ этого въ письмѣ нѣтъ ровно ничего о русскомъ терроризмѣ, то вышеприведенную оцѣнку „немногихъ строкъ“ можно понять лишь въ качествѣ выраженія такого отчаяннаго „марксизма“, до какого никогда не поднимался ни одинъ „наиортодоксальнѣйшій“ изъ марксистовъ. Но изъ оцѣнки Vorwärts'a, видно также и то, что для него и въ данный моментъ вопросъ о русскомъ терроризмѣ остался совершенно тѣмъ-же, чѣмъ онъ былъ четверть вѣка тому назадъ. Иначе вѣдь никакое, даже самое полное, многотомное научное изслѣдованіе—не говоря уже о „немногихъ строкахъ“—не могло въ 1881 году дать исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ о русскомъ терроризмѣ 1905 года.

Попробуемъ же сами поискать не исчерпывающаго, конечно, а хоть краткаго отвѣта на вопросъ о специально русскихъ причинахъ русскаго терроризма.

Является ли такой причиной абсолютизмъ самъ по себѣ? Нѣтъ, конечно. Весь европейскій континентъ былъ подъ властью абсолютизма въ теченіе XVII вѣка, а Австрія и Пруссія даже и въ первой половинѣ XIX, но террористической тактики борющихся съ абсолютизмомъ классы не развили.

Но отъ абсолютизма, господствовавшаго въ Западной Европѣ, русскій абсолютизмъ отличается самымъ существеннымъ образомъ: это абсолютизмъ восточный. Первый основывался на равновѣсіи между сильной, стремившейся къ политическому вліянію буржуазіей и феодальнымъ дворянствомъ, соперничество которыхъ дѣлало королевскую власть третейскимъ судьей и господиномъ надъ обоими. Второй—восточный абсолютизмъ—опирается на отсутствіе буржуазіи, преобладаніе земледѣлія, раздробленность народа на безчисленныя деревенскія общины, ничѣмъ между собою не связанныя и потому совершенно безсильныя предъ центральной государственной властью, безконтрольно распоряжающейся всѣми огромными средствами, доставляемыми государствомъ и возрастающими вмѣстѣ съ расширеніемъ его предѣловъ.

Въ XVIII вѣкѣ этотъ абсолютизмъ пришелъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ западно-европейскимъ и тотчасъ же усвоилъ его орудія господства: бюрократію, армію, флотъ и соответствующую всему этому технику. Но для всего этого русскому абсолютизму пришлось создать также классъ образованныхъ людей, который, переросши свою азіатскую среду, немедленно усвоилъ себѣ всѣ взгляды и потребности европейской интеллигенціи. Эти взгляды и потребности вліяли до извѣстной степени и на правящія сферы, которая до поры до времени усматривали въ этомъ лишь пользу.

Но когда интеллигенція, численно разрастаясь, начала все болѣе и болѣе превращаться въ классъ, стоящій внѣ правительственныхъ сферъ и проявляющій антагонизмъ къ этимъ послѣднимъ, между правительствомъ и интеллигенціей началась борьба, которая, все болѣе обостряясь, дѣлала интеллигенцію все революціоннѣе, а правительство все болѣе реакціоннымъ.

Но до восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія интеллигенція была одинока въ этой борьбѣ, она не находила никакого другаго класса, на который могла бы опереться. Рядомъ съ ней не было ни сильной самостоятельной, ни мелкой оппозиціонной буржуазіи. Въ западной же Европѣ, со временъ англійской и французской революцій до середины прошлаго вѣка, именно этотъ классъ составлялъ ядро революціонныхъ слоевъ народа. Въ Россіи низшій слой горожанъ представлялъ изъ себя въ большинствѣ случаевъ лишь оторванныхъ отъ своей среды крестьянъ, потерявшихъ ту опору, которую они имѣли въ своемъ деревенскомъ мірѣ и общинномъ землевладѣніи. Крестьянинъ стоялъ выше

мелкого буржуа, но его демократическія и коммунистическія учреждения и инстинкты не выходили за предѣлы деревенской общины. Политическая демократія была русскому крестьянину совершенно непонятна и не интересовала его.

Послѣ многихъ неудавшихся попытокъ демократической пропаганды русская интеллигенція поняла свое положеніе и убѣдилась, что не можетъ противопоставить абсолютизму никакой силы, кромѣ своей собственной. Но съ ней одной побѣда надъ могуществомъ современной государственной власти была невозможна. Такимъ образомъ, для интеллигенціи единственной формой борьбы сталъ терроръ, устрашеніе, борьба единичныхъ героев, ставившихъ на карту собственную жизнь, чтобы грозить смертью носителямъ государственной власти.

Таковъ былъ корень, изъ котораго выросла „исторически-неизбѣжная, специфически русская“ тактика террористовъ.

Въ связи съ этой тактикой стояли также и особенности ихъ социалистическихъ воззрѣній. Въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ и потребностяхъ русская интеллигенція находилась, какъ мы видѣли, въ полнѣйшей зависимости отъ Запада. Къ тому времени, когда назрѣвало террористическое движеніе, либерализмъ въ западной Европѣ уже утратилъ свою революціонность и превратился въ силу охранительную. Здѣсь оставалась только одна революціонная сила—соціалъ-демократія. Это отозвалось на русскихъ революціонерахъ, которые, минуя либерализмъ, сразу уже становились социалистами. Но гдѣ искать въ странѣ, такъ сильно отставшей въ своемъ экономическомъ развитіи, точку опоры для переустройства общества въ духѣ социализма? Развѣй крупной промышленности, которая могла бы представить такую точку опоры, не существовало, и русскіе революціонеры въ общинномъ землевладѣніи—этомъ въ современной Европѣ „специфически русскомъ“ учрежденіи—усмотрѣли равноцѣнную замѣну крупной промышленности. Такъ учили народники, теорія которыхъ легла въ основу террористической агитаціи „Народной Воли“.

Крестьянскій социализмъ русскихъ революціонеровъ былъ также „исторически неизбѣженъ“, какъ ихъ террористическая борьба противъ правительства. Но неизбѣжность нисколько не обезпечиваетъ успѣшности. Всѣ политическія направленія и стремленія каждой данной эпохи „исторически неизбѣжны“, но старый укладъ жизни побѣждается лишь частью этихъ стремле-

ній. Другая часть должна исчезнуть, не добившись успѣха, такъ же неизбѣжно, какъ неизбѣжно она возникла.

24 года тому назадъ нельзя было, однако, съ увѣренностью утверждать, что русская община въ ея своеобразіи не можетъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ для современнаго социализма. Общество, какъ цѣлое, не можетъ перескочить ни одной изъ стадій своего развитія, но это возможно для его отдѣльныхъ отсталыхъ частей: онѣ могутъ миновать эти стадии, приспособиться къ другимъ опередившимъ ихъ частямъ.

Для русскаго общества была возможность миновать капиталистическую стадию и отъ стараго коммунизма перейти непосредственно къ новому. Но для того, чтобы эта возможность могла осуществиться, необходимо было, чтобы въ остальной Европѣ социализмъ достигъ побѣды въ ту эпоху, когда русская деревенская община еще была живой силой. Въ началѣ 80-хъ годовъ это могло еще показаться возможнымъ. Но уже въ слѣдующемъ десятилѣтіи полная невозможность такого перехода выявилась вполне. Западно-Европейская революція подвигалась медленно, а русская община разлагалась скорѣе, чѣмъ это казалось вѣроятнымъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Этимъ рѣшался вопросъ о специфическихъ особенностяхъ Россіи, на почвѣ которыхъ и возникъ терроризмъ и социализмъ „Народной Воли.“ Чтобы достигнуть социализма, Россія, какъ оказалось, должна пройти тотъ же путь капиталистическаго развитія, какимъ идетъ Западная Европа. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, социализмъ долженъ вырасти изъ крупной промышленности. И лишь пролетаріатъ является революціоннымъ классомъ, который только одинъ и въ состояніи вести сознательную и продолжительную борьбу противъ абсолютизма.

Что террористическая тактика „Народной Воли“ не въ состояніи, сама по себѣ, свергнуть абсолютизмъ, выяснилось вскорѣ послѣ того (апр. 1881 г.), какъ было написано письмо Маркса. Убіиство Александра II 1-го марта 1881 г. было высшимъ пунктомъ террористическихъ успѣховъ того времени. Чего большего могли они достигнуть послѣ устраненія царя? Но и послѣ этого общество осталось неподвижнымъ. Ни одинъ классъ не сталъ на защиту безстрашныхъ борцовъ, которымъ пришлось, въ силу этого, изойти кровью въ неравной борьбѣ.

Марксъ не дожидъ до этого, онъ умеръ какъ разъ въ то время, когда такой исходъ сдѣлался очевиднымъ. Въ 1883 году

въ Россіи зародилось новое направленіе, которое старалось дать новое основаніе русскому революціонному движенію.

Промышленный капитализмъ и промышленный пролетаріатъ существовали въ Россіи съ шестидесятихъ годовъ, но вначалѣ этотъ пролетаріатъ не былъ проникнутъ классовымъ самосознаніемъ и подобно мелкой городской буржуазіи представлялъ изъ себя тѣхъ же оторванныхъ отъ земли крестьянъ, со свойственной имъ ограниченностью, но безъ той силы, которую даетъ крестьянину соприкосновеніе съ родной землей.

Въ 80-хъ годахъ капитализмъ, какъ и пролетаріатъ, начали быстро развиваться въ Россіи. Отдѣльныхъ борцовъ пролетаріатъ поставлялъ уже въ 70-хъ годахъ, но теперь становилось очевиднымъ, что въ его лицѣ встаетъ въ Россіи новый революціонный классъ. Первыми сознали это марксисты, Аксельродъ, Дейчъ, Плехановъ, Вѣра Засуличъ, основавшіе въ 1883-году „Группу Освобожденія Труда“, опиравшуюся въ теоріи на принципы, общіе съ германской социаль-демократіей.

Эта группа внесла въ свою программу не только борьбу съ абсолютизмомъ, но и пропаганду и организацію рабочихъ для веденія самостоятельной классовой борьбы. Хотя условія для образованія рабочей партіи были тогда крайне неблагоприятны, но „Группа Освобожденія Труда“ продолжала работу среди пролетаріата, пока, наконецъ, въ 1898 году основалась русская социаль-демократія

Это было достигнуто, несмотря на то, что русскимъ социаль-демократамъ приходилось одновременно съ организаціей пролетаріата вести непрерывную, энергичную борьбу противъ народниковъ, къ которымъ во время высшаго разцвѣта терроризма они и сами принадлежали. И конечная цѣль и тактика ставили С.-Д. въ противорѣчіе также и съ „социалистами-революционерами“, которые, послѣ исчезновенія стараго террористическаго направленія и усиленія рабочаго движенія, пытались оживить традиціи „Народной воли“ и объединились въ 1901 году въ партію „С.-Р.“

Социаль-демократія видитъ въ промышленномъ пролетаріатѣ носителя революціоннаго и социалистическаго движенія. Но сильный промышленный пролетаріатъ предполагаетъ существованіе развитою капитализма. Социаль-демократія разсчитываетъ, слѣдовательно, на капиталистическое развитіе Россіи, считаетъ быстроту этого развитія необходимымъ условіемъ революціи.

Террористы пытались основать социализмъ на пережиткахъ деревенскаго коммунизма. А это заранѣе предполагало сохраненіе коммунизма, поддержку его старыхъ традицій и тѣсно связаннаго съ нимъ мелкаго крестьянскаго хозяйства. Пристрастіе къ мелкому производству, отвращеніе къ экономическому развитію, разлагающему деревенскій коммунизмъ, желаніе задержать это развитіе порождали среди террористовъ экономически реакціонныя тенденціи и ставили передъ ними экономическія цѣли, противоположныя цѣлямъ социаль-демократіи.

Съ другой стороны, терроризмъ вытекалъ, въ сущности, изъ совершенно основательнаго—въ моментъ его возникновенія—недовѣрія къ политической самостоятельности и революціонности народныхъ массъ; изъ убѣжденія, что не дѣйствіемъ этихъ массъ, а лишь геройской рѣшимостью немногихъ лицъ можетъ быть свергнутъ абсолютизмъ. Именно это-то недовѣріе и хотѣли разрушить социаль-демократы. Стремясь вызвать движеніе массъ, С.-Д. пропагандировала въ средѣ пролетаріата, что ничто, кромѣ движенія массъ, не можетъ освободить его; что онъ не долженъ разсчитывать ни на какого Мессію; что самый сильный, самоотверженный героизмъ немногихъ личностей не въ состояніи сдѣлать того, что доступно лишь возставшей пролетарской массѣ

Отсюда ожесточенная борьба русскихъ социаль-демократовъ сперва съ народниками, а затѣмъ съ социалистами революціонерами, борьба, являющаяся столь же „специфически русской“ и „исторически неизбѣжной“, какъ и самый терроризмъ. Эта борьба являлась неизбѣжной и необходимой для того, чтобы русское революціонное движеніе, отбросивъ устарѣвшія формы, поднялось на высшую ступень.

И если теперь этотъ подъемъ совершился и социалисты побиваютъ абсолютизмъ съ совершенно иной силой и иной увѣренностью въ побѣдѣ, чѣмъ при „Народной Волѣ“, то этимъ—оставляя въ сторонѣ могучій факторъ экономическаго развитія—мы обязаны русской социаль-демократіи и той неустанной критикѣ, которой она подвергала народниковъ и примыкающихъ къ нимъ С.-Р.

Сами С.-Р. не могли избѣжать могучаго воздѣйствія, какъ самаго экономическаго развитія, такъ и пропаганды С.-Д., которые, благодаря своему теоретическому оружію, раньше другихъ революціонныхъ группъ поняли и предсказали направленіе этого развитія. Точка зрѣнія стараго „Народовольства“ теперь уже

оставлена всеми, и современный терроризм уже не похож на прежний. Ему пришлось приспособиться к новым фактам и новым учениям и все более и более принимать в расчет классовую борьбу промышленного пролетариата. Но С.-Д., подчеркивая свои разногласия с С.-Р., не раз впадали в пылу полемики в преувеличения. Так, например, когда они противопоставляли действие масс бросанию бомб, то не раз могло казаться, будто они принципиально отвергают всякий террористический акт, чего в действительности вовсе не было. Когда С.-Д. настаивали на преобладающем значении привлечения и организации городского пролетариата и подчеркивали реакционность экономической тенденции крестьянской общины, то иной раз могло казаться, будто они не придают особого значения ударам, которые в революционное время может нанести абсолютизму крестьянское возмущение,—но и это, в действительности, не соответствует взглядам русской социал-демократии.

Во всяком случае, действительные разногласия между с.-д. и террористами теперь не так велики, как это было лет 10 или 20 тому назад. Тем не менее, они еще достаточно велики, чтобы не допустить объединения организаций С.-Д. с С.-Р.

Последние „терпимые“, но это потому, что они до сих пор еще не вышли из стадии постоянного брожения и еще не выставили вполне определенной программы.

Их ряды открыты самым различным направлениям, как это было когда-то с немецкими национал-социалистами, с которыми, впрочем, я не хочу сравнивать С.-Р. ни в каких других отношениях. Между С.-Р. мы встречаем людей, очень близко стоящих к С.-Д., и рядом—элементы, сродные анархистам, мелкобуржуазным демократам и социал-либералам. Такими же неопределенными, как их границы, остаются и их цели и их средства борьбы, но сквозь всю эту неопределенность прорывается их противоположность социал-демократическим воззрениям, и не в теории только, но и в политической практике.

Это сказало, например, несколько времени тому назад, когда в Париже, в противоположность русским с.-д. организациям, с.-р. заключили союз с либералами *).

*) Речь идет о Парижском съезде некоторых национальных организаций и освободителей, с которыми с.-р. вступили в союз.

Благодаря этому странному способу выражения потребности в объединении, пропасть между с.-р. и с.-д. значительно увеличилась, за то с.-р. приобрели открытую поддержку Vorwärts'a. Его симпатиями они уже издавна пользовались, но лишь недавно он начал полемику против с.-д. организаций за их отрицательное отношение к либерально-социалистическому союзу. Vorwärts указывает на настоятельную необходимость объединения всех противников абсолютизма. Разумеется, нет ничего желательнее такого объединения, ибо в единении сила, но неужели русские с.-д. не знают этого общего места? На практике всегда возникает вопрос: для чего объединяться? Нужно ли всем оппозиционным течениям объединяться для одного только общего возгласа: „долой абсолютизм!“? Дни Иерихона, к сожалению, давно прошли.

С одними возгласами далеко не уйдешь. Нужно бороться. Но для общей борьбы нужна общая тактика. Создание такой тактики является предварительным условием всякого боевого союза. Если тактика остается различной, объединение теряет всякое значение. Такого значения либерально-социалистического „блока“, не смотря на все восторги Vorwärts'a. Его первым и последним актом было обнародование прокламации, подписанной различными организациями. Дальше этого он не пошел. Вся его деятельность ограничилась, следовательно, несколькими фразами.

Да и как могли бы, например, либералы бороться вместе с с.-р.

Первые опираются в значительной части на крупных землевладельцев, с.-р.—отчасти на крестьян. Либералы стремятся к конституции, обеспечивающей их землевладение, с.-р. хотят эти земли захватить. Борьба против абсолютизма есть в то же время борьба классов, в которой каждый класс борется особым способом и преследует различные цели *).

Различные классы могут при надобности соединяться для определенных действий; но длительный—и вдобавок заграничный—союз между ними, заключенный на целый революционный

*) Когда эти строки уже набирались, мы сообщили из Петербурга, что там либеральные газеты пользуются той тенью свободы, которую имеют, для полемики против с.-д.

периодъ съ его быстро мѣняющимися положеніями, вещь, можно сказать заранѣе, совершенно безмысленная.

Кромѣ ненависти къ самодержавію, только одно и объединяетъ организациі, заключившія союзъ въ Парижѣ, это недовѣріе къ боевой способности русскаго пролетаріата.

Оно воодушевляло либераловъ. Ихъ парижскій представитель, редакторъ „Освобожденія“, Петръ Струве былъ прежде социаль-демократомъ. Онъ заявляетъ, что и теперь, перейдя къ либераламъ, онъ остался вѣренъ своимъ социаль-демократическимъ взглядамъ, что либераломъ онъ сталъ только для Россіи и только потому, что русскій пролетаріатъ не можетъ образовать самостоятельной и способной къ борьбѣ политической партіи.

Соціалистамъ-революціонерамъ недовѣріе къ боевой способности русскаго промышленнаго пролетаріата издавна присуще и, сколько бы ни мѣняли они кожу, оно останется у нихъ въ крови. Наконецъ, присоединившаяся къ союзу польская социалистическая партія (Р. Р. С.), хотя и стоитъ на почвѣ классовой борьбы, но только для Польши. Свое отстраненіе отъ русской с.-д. эта партія мотивируетъ именно тѣмъ, что созрѣвшій для революціи польскій пролетаріатъ не долженъ соединяться съ незрѣлымъ русскимъ, который своей отсталостію лишь тормозилъ бы его освободительную борьбу*). Въ этомъ и заключается одно изъ разногласій между Р. Р. С. и социаль-демократіей Польши и Литвы, которая борется, какъ часть всего русскаго пролетаріата.

Но вскорѣ послѣ того, какъ три вышеназванныя организациі вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, менѣе значительными, и въ союзъ съ Vorwärts'омъ объявили тактику русской социаль-демократіи ошибочной, эта тактика получила блестящее оправданіе въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за 9 января и доказавшихъ, что русскій пролетаріатъ представляетъ изъ себя перворазрядную революціонную силу, величайшую изъ всѣхъ имѣющихся въ русскомъ царствѣ. Это не препятствуетъ Vorwärts'у продолжать выхвалять социалистовъ-революціонеровъ насчетъ социаль-демократовъ, какъ онъ снова дѣлаетъ это въ своей замѣткѣ о Гапонѣ и въ комментаріяхъ къ письму Маркса, такъ какъ выраженное въ нихъ сужденіе Vorwärts'a было бы совершенно безмыслен-

*) На послѣднемъ сѣзѣ Р. Р. С. эта точка зрѣнія оставлена. Ред.

нымъ, если бы не стремилось внушить намъ, будто Марксъ исчерпывающимъ образомъ доказалъ, что тактика социалистовъ-революціонеровъ является единственно правильною тактикой при русскіхъ условіяхъ.

Однако, несмотря на всю сомнительность теоріи соц.-рев. мы, с.-д. должны относиться съ симпатіей къ этимъ борцамъ, представляющимъ значительный слой русской массы и принимающимъ героическое участіе въ совершающейся предъ нашими глазами и создающей новую Россію борьбѣ противъ абсолютизма. Эта историческая задача такъ громадна, а поле борьбы такъ обширно, что на немъ всякая сила дорога и для всякой найдется достаточно мѣста. Гдѣ мы можемъ помочь с.-р. въ борьбѣ противъ абсолютизма, мы должны это сдѣлать. Но мы не имѣемъ ни малѣйшей причины становиться на ихъ сторону въ ихъ конфликтахъ съ с.-д.

Къ счастью, именно въ настоящее время надъ объединеніемъ русскіхъ социалистовъ, поскольку оно возможно, работаютъ силы, неизмѣримо болѣе могучія, чѣмъ мудрыя наставленія заграничныхъ товарищей. Это силы самой революціи, превращающія все болѣе и болѣе работу русскіхъ социалистовъ въ открытыя дѣйствія массы, при которыхъ разногласія между отдѣльными группами все болѣе и болѣе стираются и вырабатывается единая тактика, а, слѣдовательно, и возможность объединенія организаций.

Чѣмъ незамѣтнѣе развивается движеніе, тѣмъ сильнѣе стремленіе помочь ему новыми тактическими приемами, тѣмъ больше разногласій относительно этихъ приемовъ. Чѣмъ меньше размѣры движенія и чѣмъ больше вынуждено оно скрываться, тѣмъ шире развиваются въ немъ несогласія между отдѣльными личностями и тѣмъ сильнѣе могутъ эти несогласія вліять на дѣятельность самой партіи, приводя ее къ разногласіямъ и расколамъ. Узость партіи, медленность ея роста и раздоры въ ея рядахъ идутъ обыкновенно рука объ руку. Но послѣднее явленіе бываетъ не причиной, а слѣдствіемъ первыхъ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что партія потому и раскалывается, что она мала и слаба, а не видѣтъ въ расколъ причину ея слабости. Но когда партійное движеніе превращается въ открытое движеніе массы и празднуетъ одну побѣду за другой, разногласія сами собою теряютъ силу и значеніе, и партія въ ходѣ борьбы становится все сплоченнѣе и объединеннѣе, поскольку она, какъ с.-д., опирается на одинаковые классовые интересы. Съ партіей, охва-

тывающей различные и часто антагонистичные классы, какъ большинство буржуазныхъ партій, произойдетъ обратное. Великія революціонныя битвы скорѣе ведутъ ихъ къ расколу, чѣмъ къ объединенію, какъ это показываетъ развитіе партій во время великой французской революціи.

„Блокъ“ различныхъ классовъ всего труднѣе сохранить въ цѣлости именно во время революціи.

Мертворожденнымъ былъ и либерально-соціалистическій блокъ с.-ровъ именно потому, что въ двери уже стучалась революція.

Образованіе же социаль-демократическаго блока революція, наоборотъ, подвинула впередъ. Изъ Польши и изъ другихъ мѣстъ Россіи сообщаютъ, что послѣднія выступленія с.-д. совершались совмѣстно различными организациями, раньше враждовавшими между собой.

Это еще ничего не говоритъ о томъ, какъ сложатся отношенія между партіями с.-д. и с.-р. Революція крѣпко спаиваетъ классовыя партіи и раздробляетъ состоящія изъ различныхъ классовъ.

С.-р. не представляютъ собою чисто пролетарской партіи; они хотятъ представлять интересы всего „трудящагося народа“, подъ которымъ они понимаютъ крестьянъ и мелкую буржуазію, какъ и пролетаріатъ. Въ этой партіи революція произведетъ глубокія измѣненія; отъ направленія этихъ измѣненій будетъ зависѣть, приблизится ли она къ с.-д. настолько, чтобы и теперь уже встрѣчающееся въ отдѣльныхъ случаяхъ сотрудничество привело въ концѣ концовъ къ сліянію или, наоборотъ, антагонизмъ между этими партіями только сильнѣе обострится.

Все, что можемъ мы сдѣлать изъ за-границы, будетъ каплей въ морѣ, по сравненію съ тѣми вырвавшимися на просторъ колоссальными силами, отъ которыхъ теперь въ Россіи зависитъ все, въ томъ числѣ и отношенія между отдѣльными партійными организациями.

Но эти силы дѣйствуютъ съ такой всеокрушающей энергіей въ интересахъ пролетаріата, что мы не имѣемъ ни малѣйшей причины пессимистически смотрѣть на русскія дѣла и толковать о „хаосѣ“ въ русской социаль-демократіи. Отношенія русскихъ товарищей совершенно ясны тому, кто слѣдитъ за ними съ самаго начала, а революція сама позаботится о томъ, чтобы ихъ

еще болѣе выяснитъ. Хаосъ въ Россіи господствуетъ не въ рядахъ социалистовъ, а среди господствующихъ классовъ, въ которыхъ растетъ теперь анархія и борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Къ этому хаосу присоединяется еще хаосъ среди глубокихъ народныхъ пластовъ, недавно проснувшихся отъ спячки и рвущихся къ политической жизни, въ особенности среди крестьянъ. И этотъ хаосъ будетъ все расти, но по мѣрѣ его роста будетъ возрастать также сила и вліяніе объединеннаго ученіемъ о классовой борьбѣ промышленнаго пролетаріата. И русскій пролетаріатъ будетъ все болѣе и болѣе накладывать свою печать на ту новую Россію, которая возстанетъ изъ хаоса.

